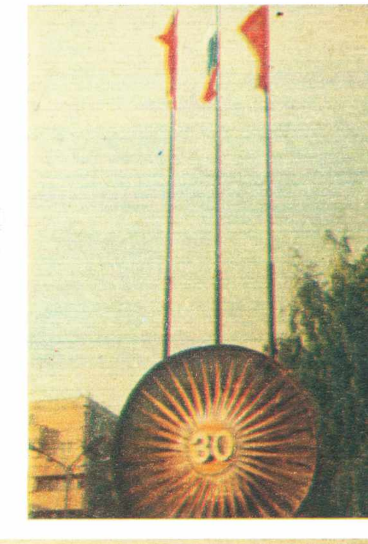

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 37 СЕНТЯБРЬ 1974

9 СЕНТЯБРЯ — 30 ЛЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

Дорогие советские товарищи и братья!

Накануне нашего большого национального праздника и славного юбилея — 30-летия социалистической революции в Болгарии — мы получаем много искренних и сердечных поздравлений со всех концов земли. Особенно много поздравлений из Советского Союза. И это естественно. Народная Республика Болгария связана с вашей родиной бесчисленными тесными узами во всех областях жизни — партийной, государственной, научной, культурной, экономической, военной, спортивной. Дружат, сотрудничают, работают плечом к плечу наши Центральные Комитеты и правительства, области и округа, заводы и научно-исследовательские институты, общественные организации и учреждения.

Дружат советские и болгарские семьи и отдельные граждане, пионеры и комсомольцы.

И есть нечто невыразимо великое в том, что в эти дни в Болгарию приходят не только официальные дружеские поздравления с праздником, но и поздравления глубоко личные. Они имеют огромное государственное значение для укрепления дружбы между нашими двумя братскими странами.

Дорогие друзья, вы, кто раскроет этот номер журнала и увидит частицу сегодняшнего дня социалистической Болгарии, примите глубокую нашу благодарность за все, что ваша Коммунистическая партия, ваш народ, ваша великая страна сделали для Болгарии, чтобы она стала такой, какая она сегодня!

В эту Болгарию вкраплена кровь прадедов ваших, пролитая за ее освобождение от пятивекового чужеземного ига. В эту Болгарию вкраплена и кровь ваших дедов, отцов, братьев и сестер, павших в эпических битвах за победу идей Великого Октября от 1917 года до мая 1945 года. В эту Болгарию вкраплена и частица вашего ума, таланта, труда, частица ума, таланта, труда миллионов ваших соотечественников.

Наш праздник является и вашим праздником, потому что все эти тридцать лет вы были с нами, и мы чувствовали ваше крепкое и верное плечо в наших трудовых буднях. Все, чего болгарский народ достиг за эти годы, достигнуто с вашей неоценимой помощью и поддержкой. Все, что еще предстоит нам сделать, будет сделано в тесном сотрудничестве с вами, советскими людьми, с Коммунистической партией Советского Союза, с Советским государством.

О нашей взаимной братской любви и верности говорено и писано много — и в речах, и в стихах, и в песнях, и в неизбежных тостах на официальных и дружеских встречах. Мы уже повторяемся. Но что делать? Любовь неисчерпаема, а слова ограничены.

За ваш пример и вдохновение, за вашу неизменную поддержку, за вашу дружбу и любовь — спасибо вам, наши родные братья и сестры!

Тодор ЖИВКОВ,
Первый секретарь Центрального Комитета
Болгарской коммунистической партии,
Председатель Государственного совета НРБ

Фото Рачо СТОЯНОВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2442)

7 СЕНТЯБРЯ 1974

Верная дружба Советского Союза и Болгарии, их растущая близость, наше всестороннее сотрудничество — это наше общее драгоценное достояние. Вместе с тем это и достояние всего социалистического содружества. Это — вклад в дело мира и социального прогресса всего человечества.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Наступление.

Владимир КОТОВ,
Александр ЩЕРБАКОВ,

фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ВМЕСТЕ С

«ОГОНЕК» НА ЖАТВЕ

Они видели, как учитель возвращался домой. Шел медленно, походкой сильно уставшего человека. Лица его в темноте было не разглядеть, но они хорошо представляли это лицо, серое от пыли, и пропыленный ватник, и словно серым бархатом обшитые сапоги. Они завидовали в тот момент учителю. Завидовали сильнее, чем тогда, в школе, когда он объяснял им устройство автомобиля, комбайна, трактора. Он хорошо знает эти машины!

Сейчас они увидели, как он шел от комбайна. А на другой день стало известно, что их учитель Николай Александрович Дреев признан победителем во всем Саракташском районе среди учителей, ставших в страду комбайнерами. Было написано: «1-е место Дрееву — учителю 1-й Федоровской школы, скосившему хлеба на площади 326 гектаров, подобравшему валки на площади 230 гектаров, намолотившему 5 320 центнеров зерна».

Как не завидовать такому учителю! Тем более, когда сам работаешь на уборке — пусть пока штурвальным — и знаешь, что на мостике комбайна совсем не так, как на земле, ощущается степной горячий ветер. И ты уже испытал радость молодого человека, подчиняющего себе огромную машину. И испытал разочарование оттого, что день обидно короток и тебя, семиклассника Васю Гурьянова, и школьного друга твоего Колю Манихина рано отправляют с поля: нельзя еще ребятам работать наравне со взрослыми. А ребятам хочется побыстрее кончить школу и стать, как Саша Грачев, Коля Васильев, Миша Хлопушин,— настоящими механизаторами. А пока... Пока учителю можно подражать и в роли штурвальных. Тем более они знают: он следит за их успехами и очень доволен ими.

Пример педагога! Своеобразный открытый урок в поле. Найдешь ли, придумаешь ли что-то убедительнее в практике сельского учителя, который призван не только учить, но и воспитывать у детей в числе многих других качеств и такое — преданность земле, их вскормившей?!

...Все началось с призыва учителей Акбулакского района, Оренбургской области: пусть каждый педагог овладеет комбайном, жаткой и покажет пример всем, а в первую очередь, конечно, своим ученикам.

Школы откликнулись. В прошлом году 415 педагогов комбайнерами включились в жатву. На открытый полевой урок учителя пришли отлично подготовленными. Валентина Пантелеевна Корниенко из Новоуспеновской школы, Акбулакского района, скосила 419 гектаров и обмолотила валки с площади 143 гектара; учитель Степной средней школы Ташлинского района Александр Иванович Кандалинцев подобрал валки на 448 гектарах и намолотил 5 927 центнеров зерна; прошлогодний результат Николая Александровича Дреева — 7 080 центнеров.

В нынешнюю страду примеров трудовой доблести куда больше. Прибавилось опыта. Да и вся область развернулась куда более мобильно, организованно. Четко, разумно осуществляется маневр техникой, ритмично работают хлебоприемные пункты. Пять-шесть миллионов пудов зерна в сутки поступает в государственные закрома.

Вскоре после начала косовицы пошла по районам «Оренбургская молния», выпущенная областным комитетом партии:

«Учителя — герои жатвы!

Коммунист, директор Сергиевской средней школы Александр Максимович Традеев третий год работает на жатве хлебов. В эту страду на жатке «ЖВН-6» за 4 рабочих дня он скосил 175 гектаров. Суточная производительность агрегата — 40—45 гектаров.

Все учителя этой школы работают на уборке урожая в колхозе «Россия», Оренбургского района.

Пример, достойный подражания!»

В конце августа, когда колхоз завершил жатву, «внеклассная работа» директора школы выглядела так: скосил 289 гектаров, обмолотил с площади — 214, намолотил зерна — 3 800 центнеров.

На августовском учительском совещании в райцентре Саракташ Николай Александрович Дреев встретился со своими соперниками из Шишминской восьмилетки Дамиром Акисовым, Зией Алтынбаевым и Сафиуллой Каракаевым.

— Я все время за твоими успехами следил по газетам,— сказал Дрееву Акисов.

— Надеялся догнать?

— Хотел.

— Не уступил и не уступлю. А со вторым местом поздравляю!..

Потом они говорили о воспитанниках Дреева, которые показали себя заправскими штурвальными в самый напряженный период страды, вспомнили Зайнутдинова, который пошел штурвальным к своему коллеге Акисову — он хоть и помоложе, но опытнее.

...Первый день учения. Линейки в сельских школах. На них обязательно подводят итоги трудового лета. Имена, цифры, слова благодарности от правлений колхозов, дирекций совхозов, районных организаций. На этих линейках ребятам и их наставникам не стыдно показать свои руки, руки, из которых страна принимает драгоценный хлеб.

Оренбургская область.

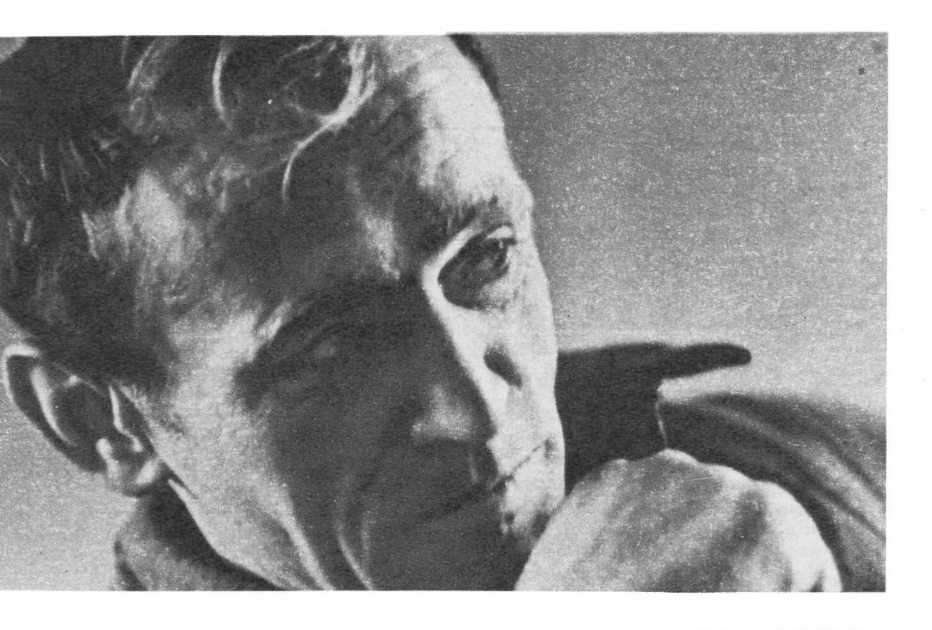
ОРЕНБУРГСКИЙ ПШЕНИЧНЫЙ КРАЙ...

Выйди в хлебное поле
да глянь!
Даль бежит и теряется в небе!
Степь за степью,
за гранью грань —
хороши оренбургские степи!
Темп и натиск,
маневр,
быстрота —
понимать надо точно задачу!
По всему Оренбуржью
страда.
Хлеб идет!
Завершаем сдачу...
Хлеб один,
и задор один!
Про семейный комбайн
вы слыхали?
На комбайне —
отец и сын!
Так!
Традиция эта плоха ли?
В ней закваска военных лет,
в ней особая гордая радость
замечательных
мирных побед,
что в нелегком труде
добывались!
Оренбургский пшеничный край!
Снова ты преподносишь дар свой!
Снова ляжет
твой каравай
на широкий стол государства!
...Дружный натиск,
маневр,
быстрота —
понимать надо точно задачу!
По всему Оренбуржью
страда.

Комбайнеры Григорий Гузенко (с л е в а) и Ганият Тлепбаев — ударники жатвы — в совхозе «Красногорский», Саракташского района.

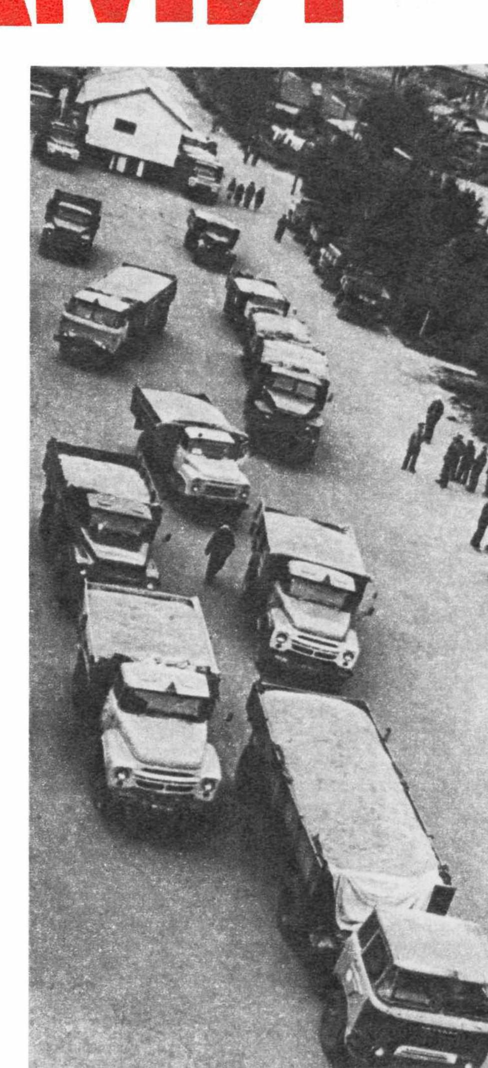
КОМБАЙНЕРАМИ

Хлеб идет!
Завершаем сдачу!
Вся страда —
это нерв,
острота,
ловим цифры последние жадно..
Вам спасибо,
бойцы труда,
дорогие
герои
жатвы!

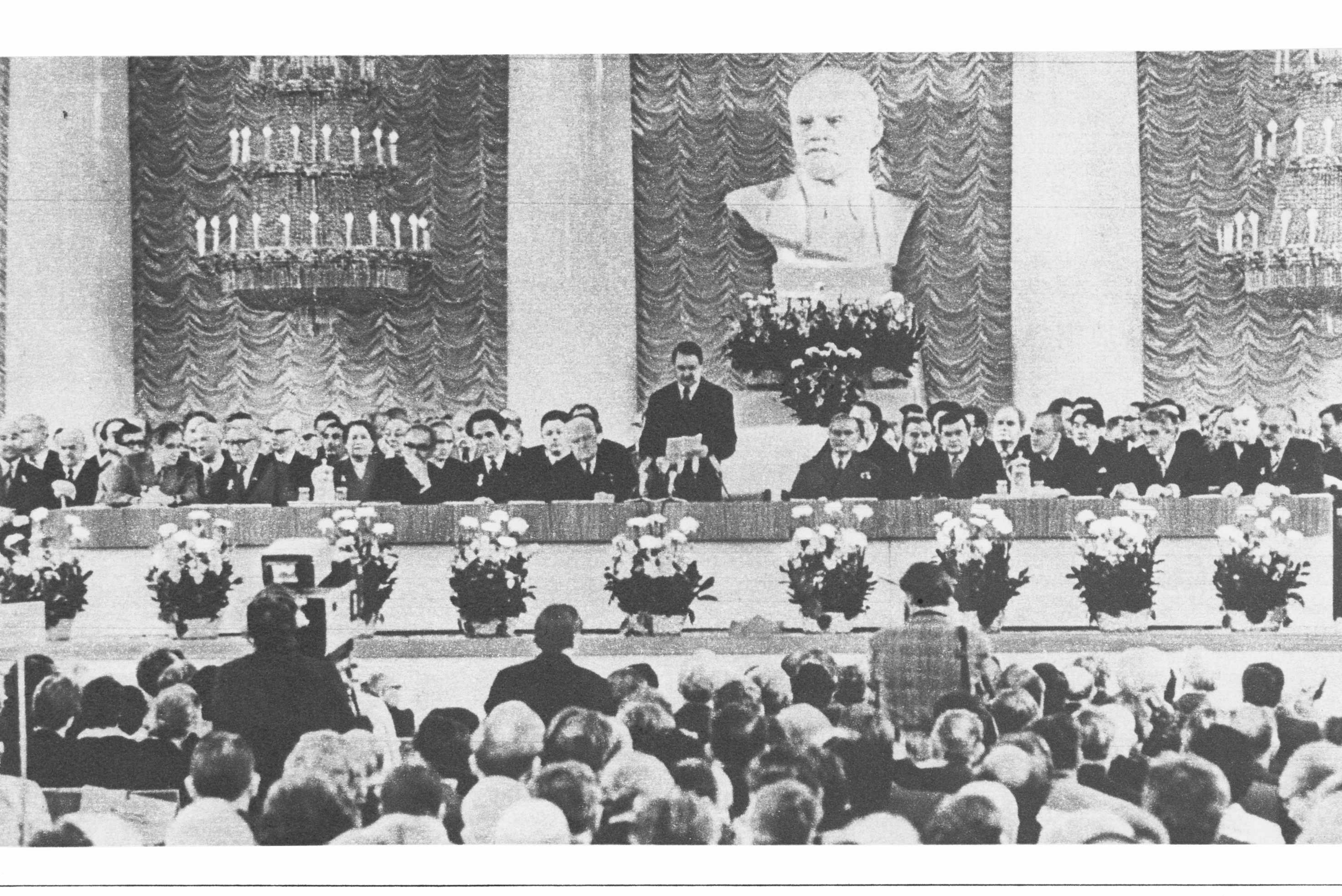
Николай Александрович Дреев.

Агитбригада приехала.

Машины, полные хлеба, спешат на зернозаготовительный пункт.

ВЫСОКИЙ Д

ПРОЗВЕНЕЛ ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

В минувший понедельник начались занятия в школах, профтехучилищах, техникумах, вузах. У нас тот день был всенародным праздником. И это совсем не удивительно для страны, где каждый третий житель учится.

Наступивший учебный год не совсем обычен. Следуя решениям XXIV съезда КПСС, советская школа должна сделать важный шаг к завершению перехода ко всеобщему среднему образованию. Для этого у нас созданы все условия. За парты село 49 миллионов учащихся. Окрепла материально-техническая база советского просвещения. В нынешнем году вступают в строй учебные здания, рассчитанные на 1 миллион 700 тысяч мест. Обновлены школьные программы, и в соответствии с ними уже выпущено почти триста миллионов учебников. Тысячи учителей, получивших высшее образование, приехали на работу в деревню.

Нынешний учебный год особый еще и потому, что во всех школах он начался Днем букваря: отмечается 400-летие первой печатной азбуки на Руси. Миллионы школьников возьмут в руки буквари, изданные на языках многих народов нашей страны. Сейчас ежегодно издается 90 букварей. Издательство «Просвещение» недавно завершило выпуск четырнадцати букварей на языках народов Крайнего Севера, получивших письменность только в советские годы. Но есть среди изданий «Просвещения» две работы, которые уходят корнями непосредственно в 1574 год, когда Иван Федоров выпустил свою азбуку.

Фото А. Бочинина.

Удивительно держать в руках эту книгу. Поначалу в это просто не веришь, но когда перелистываешь желтоватые странички, всматриваешься в буквицы, пришедшие в сегодня из XVI века, ощущаешь прикосновение к мудрой простоте грамоты. В конце книги стоит: «Выдруковано во Львове, в 1574 году».

И все же это день сегодняшний. Президент Академии педагогических наук В. Столетов назвал это издание уникальным. Оно и впрямь необычно: и формат и тонированная под старинную бумага переносят нас в те дни, когда появился на свет первый русский букварь, изданный «друкарем книг пред тем невиданных».

Беседуя с В. Богдановым и Г. Карпюком, готовившими издание, я ловлю себя на мысли, что через несколько минут закончится наш разговор, я запишу все, что мне рассказывают составитель и художник, и буду вынужден расстаться с замечательным творением издательства «Просвещение» и полиграфистов «Детской литературы», так бережно воссоздавших выдающийся памятник русской культуры.

Счастливцев, которые смогут приобрести эту книжицу, совсем немного: тираж определен в 10 тысяч экземпляров. Издательство «Просвещение» к 400-летию букваря подготовило и первую антологию букварей — обстоятельную и подробную — «От азбуки Ивана Федорова до современного букваря». Авторы этой книги проанализировали более 450 русских азбук и букварей — такое богатство оставили нам наши предки. Тысячи изданий, по которым учились грамоте сотни миллионов людей! Ведь даже академики начинали когда-то со школьной парты, и первой их книгой был букварь!

Лев Толстой сказал: «Суть книги — вечна... Суть эта — увековечение мысли». И это особенно чувствуешь, когда знакомишься с работами, отмечающими 400-летие первого печатного русского букваря.

К. КОСТИН

ОЛГ

3 сентября в Москве открылся пленум правления Союза писателей СССР. В Колонном зале Дома союзов, где в 1934 году проходил I Всесоюзный съезд советских писателей, где четыре десятилетия назад был создан братский союз художников слова, собрались представители всех литератур нашей многонациональной Родины, чтобы отметить сорокалетие этого исторического писательского форума.

Бурными аплодисментами было встречено появление в президиуме пленума товарищей В. В. Гришина, К. Т. Мазурова, М. А. Суслова, П. Н. Демичева.

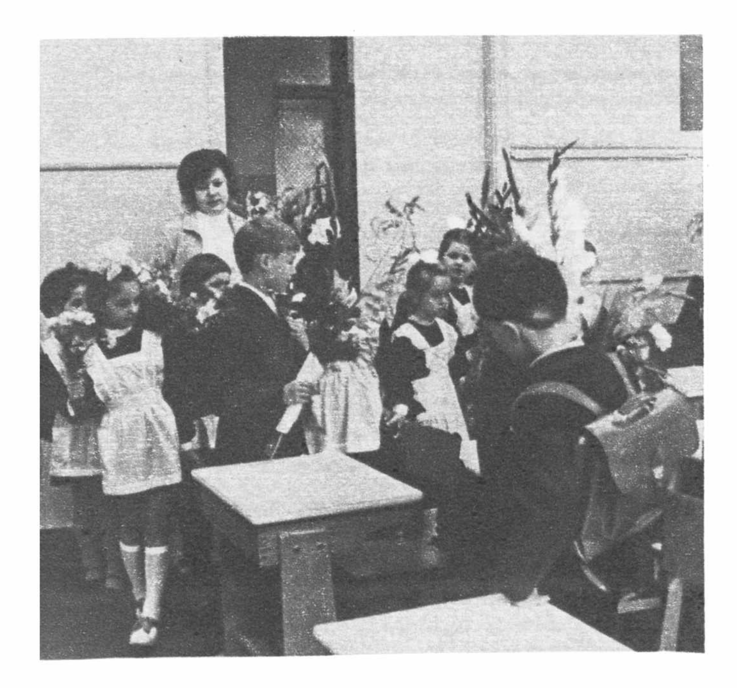
С большим воодушевлением собравшиеся избрали почетный президиум пленума в составе Политбюро ЦК Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Пленум открыл вступительным словом первый секретарь правления СП СССР Г. М. Марков. Он приветствовал присутствующих на пленуме делегатов I Всесоюзного съезда советских писателей.

В докладе Героя Социалистического Труда, секретаря правления СП СССР Н. С. Тихонова о 40-летии I Всесоюзного съезда советских писателей получили яркое освещение путь, пройденный советской литературой, ее творческие завоевания, беззаветное служение народу, строящему под руководством нашей ленинской партии коммунистическое общество.

Затем начались выступления участников пленума и гостей, пришедших в Колонный зал поздравить советских писателей с их праздником.

Фото М. Скурихиной.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Карен ХАЧАТУРОВ

Недавно я встретился с одним из руководителей Коммунистической партии Чили, главным редактором газеты «Сигло» товарищем Родриго Рохасом. Хождение по дантовым кругам ада выглядит увеселительной прогулкой в сравнении с теми чудовищными, садистскими пытками, которым подвергли Рохаса палачи пиночетовской хунты. Без суда и следствия его приговаривают к смертной казни и ставят перед взводом карателей.

— Какова последняя воля осужденного? — спрашивает его капитан.

— Я хочу умереть без повязки на глазах, без кандалов, лицом к лицу с вашими солдатами.

— Это невозможно. В соответствии с кодексом воинской чести за измену родине будут стрелять в вашу спину. Что еще вы просите?

— Моя последняя воля состоит в том, чтобы за измену родине точно так же расстреляли бы Пиночета и других главарей хунты...

Родриго Рохаса жестоко избивают, а потом совершается имитация расстрела. Проходит время, и снова инсценируется казнь с тем, чтобы сломить волю несгибаемого коммуниста и пламенного патриота. Под давлением мирового общественного мнения Родриго Рохас обретает свободу. Как приговор хунте звучит приведенная им страшная по своей сути статистика. В Чили со времени фашистского путча уничтожено от 35 до 40 тысяч человек, из них 12 тысяч коммунистов и комсомольцев. Из каждых 10 убитых 9 были подвергнуты пыткам. Через тюрьмы и концлагеря прошло около 200 тысяч чилийцев...

4 сентября в Советском Союзе, как и во многих других странах мира, началась неделя солидарности с народом Чили. Ведь ровно год назад было свергнуто законное правительство Народного единства и был убит конституционный президент Сальвадор Альенде. Уже год томится в тюремном застенке руководитель компартии сенатор Луис Корвалан, и его жизни, как и жизни лидеров других левых политических партий Чили, угрожает смертельная опасность. Почти год назад перестало биться сердце величайшего поэта Латинской Америки Пабло Неруды, его смерть тоже будет фигурировать в обвинительном приговоре хунте.

Нечто аналогичное произошло в Уругвае, стране, которую традиционно именовали «витриной демократии» западного полушария. В июне прошлого года был распущен парламент, запрещены профсоюзы, прогрессивные политические партии и их органы информации, начался разнузданный террор. Был брошен в тюрьму старейший депутат парламента, руководитель Компартии Уругвая Родней Арисменди.

В Латинской Америке многолетние тиранические режимы свирепствуют в Парагвае и Гаити, Никарагуа и Гватемале. У половины населения Латинской Америки ежегодный доход едва достигает 120 долларов, каждый второй латиноамериканец систематически голодает, 80 миллионов взрослых неграмотны, почти во всех странах континента 80—90 процентов населения лишены социального обеспечения. Монополисты США, прибравшие к рукам ключевые позиции в экономике многих стран континента, извлекают из каждого вложенного доллара 4—5 долларов прибыли. Такова горькая латиноамериканская реальность.

Но эта реальность имеет и другую сторону: неистребимое стремление трудящихся к избавлению от гнета местного и закордонного капитала, к достижению демократии и социального прогресса. Растет авторитет коммунистических и рабочих партий, усиливается профсоюзное и общедемократическое движение.

В ряде стран континента правящие круги становятся на путь преобразований в общенациональных интересах. Почти шесть лет находится в Перу у власти военное правительство. Проводимые им глубокие социально-экономические преобразования, независимый внешнеполитический курс снискали древней стране инков не только высокий авторитет, но и создали своеобразный прецедент в Латинской Америке. Вслед за рождением «перуанского феномена» последовали патриотические действия военных правительств в Панаме и Эквадоре. Во многих латиноамериканских странах предпринимаются меры по защите природных богатств, ограничению аппетитов империалистических монополий. Последние тому примеры — действия правительств Венесуэлы и Аргентины в защиту нефтяных богатств.

Переживает острый и необратимый кризис вся система межамериканских отношений. Наиболее наглядно это проявляется в крахе империалистической политики блокады Кубы, стремлении законсервировать пресловутый «санитарный кордон» против первого социалистического государства западного полушария. Антикубинская политика империализма потерпела полный провал. Недавно Панама стала восьмым латиноамериканским государством, с которым Куба имеет нормальные дипломатические отношения. По сообщению зарубежной печати, правительства Венесуэлы, Колумбии и Коста-Рики в самое ближайшее время намерены выступить с совместной инициативой об отмене позорных антикубинских санкций, предпринятых свыше десяти лет назад Организацией американских государств. Происходящие в Латинской Америке позитивные общественные процессы проявляются и в развитии всесторонних взаимовыгодных отношений с Советским Союзом.

В Латинской Америке борются две тенденции развития, но, несомненно, победит справедливая, которая принесет народам этого континента мир, свободу и социальный прогресс.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КОСМОСА

Рапорт Геннадия Сарафанова, командира экипажа корабля «Союз-15», принят. И в ту же секунду раздается звонкий голос:

— Здравствуй, дед!

Это крикнул бортинженеру Льву Демину его четырехлетний внук Вовка, еще незнакомый с торжественным ритуалом встречи. Все, кто был тут, по-доброму рассмеялись. А тем временем Вовка уже взгромоздился на руки деда.

Стоявший рядом со мной конструктор не без удовольствия заметил, что Лев Степанович Демин установил своеобразный возрастной рекорд для летающих к звездам.

— Среди советских исследователей околоземного пространства,— подтвердил знакомый медик,— до космонавта Демина никто в таком возрасте в космос не стартовал.

— Железное здоровье?

— Здоровьем Лев Степанович не обижен, но дело в другом,— продолжал медик,— конструкторы в содружестве с нами смогли создать в корабле полетные условия, когда возраст в общем-то не является помехой. Но лучше на ваш вопрос ответит сам бортинженер.

Официальная встреча закончена, но Геннадий Сарафанов и Лев Демин по-прежнему в кругу ученых, специалистов, космонавтов. Всем хочется поскорее узнать подробности рейса. Наконец, космонавты среди родных и близких. Объятия, поцелуи. Слезы радости.

И вот снова Звездный с его многоэтажными светлыми домами, молодым парком, которого едва коснулся багрянец, над головой Юрия Гагарина, «пришедшего» вместе со всеми звездоградцами встречать возвратившихся из космоса.

Гагарин знал их обоих. Лев Демин пришел в Центр подготовки космонавтов в 1963 году, окончив Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Вслед за ним, в 1965 году, после окончания Балашовского высшего военного авиационного училища и службы в рядах Советской Армии перешагнул порог Звездного и Геннадий Сарафанов. Для обоих Юрий Гагарин был и остается образцом служения своей Родине, своему народу.

— Конечно, никогда не забудется наша первая встреча, первая беседа с Юрием Гагариным и Владимиром Комаровым,— рассказывал нам перед полетом Геннадий Сарафанов.— Ничего не скрывая, они рассказали о трудностях, которые нас ожидают, говорили, как важно отдать делу все свои силы, не обещали, что «наш день» настанет завтра или послезавтра. Владимир Комаров все больше говорил о технике, о нашей роли испытателей. Юрий Алексеевич — о будущем космонавтики, ссылаясь при этом на академика Королева. Приводил слова ученого, мечтавшего о том, чтобы из области экспериментальные полеты скорее становились повседневной работой, важной для науки и блага людей.

Мы идем вместе с Павлом Поповичем, недавним командиром корабля «Союз-14» — станции «Салют-3». На вопрос, что бы он мог сказать о полете экипажа «Союза-15», он ответил:

— Если говорить с позиции летчика-космонавта, то каждый рейс обогащает практику пилотирования. Давайте вспомним даже кратко то, чем занимались Геннадий Сарафанов и Лев Демин во время двухсуточного полета. Прежде всего они вели эксперименты, связанные с отработкой техники пилотирования корабля в разных режимах полета. «Союз-15» не раз сближался со станцией «Салют-3». Наблюдая за этапами сближения, летчики-космонавты контролировали работу всех систем корабля. Ну и, наконец, мы стали свидетелями еще одной немаловажной приметы, точнее, особенности закончившегося полета. Вы знаете, впервые приземление корабля осуществлено в ночное время. Отработка методов, средств посадки и эвакуация корабля в этих условиях имеют важное значение.

Да, полет пятнадцатого «Союза» был очередным рейсом в советской программе изучения и освоения космоса. Но все-таки рейсом в необычный, далеко не познанный космос. И потому справедливо, приветствуя Геннадия Сарафанова и Льва Демина на родной земле Звездного, начальник Центра подготовки космонавтов Г. Береговой сказал буквально следующее: «В ходе полета экипаж «Союза-15» работал четко, слаженно, показал высокое профессиональное мастерство, мужество и самообладание».

Мастерство. Мужество. Самообладание. Этого потребовал очередной рейс.

За успешное осуществление полета и проявленные при этом мужество и героизм летчикам-космонавтам Г. В. Сарафанову и Л. С. Демину присвоено звание Героев Советского Союза.

А. РОМАНОВ

На снимке: Геннадий Сарафанов и Лев Демин во время встречи.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

Георгий Димитров с А. Н. и Е. А. Крыловыми. Внуково, конец 20-х годов.

Фото Д. А. Крылова. Публикуется впервые.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

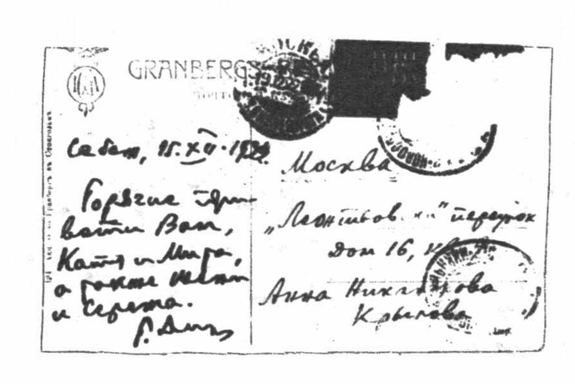
В тихом московском переулке, в глубине зеленого дворика, стоит красивый шестиэтажный дом. В двадцатые годы здесь жили сотрудники аппарата Коминтерна. Среди них были и мои родители. В этом доме я впервые увидел Димитрова — дядю Жоржа, как я, мальчишка, тогда его называл. Он приезжал довольно часто, подолгу засиживался за беседой, заразительно хохотал. Родители мои были влюблены в него, восхищались этим красивым, мужественным человеком, и он платил им искренним, добрым чувством. Бывал Димитров и на даче, во Внукове. Там мой отец сделал этот снимок.

Димитров часто писал моим родителям, когда куда-либо уезжал. У нас хранилась пачка его писем. К сожалению, почти все они пропали во время Великой Отечественной войны, так же, как и фотографии и книги с его автографами, например, книга о Лейпцигском процессе. Уцелели лишь несколько открыток и снимков, а также шкатулка, подаренная Г. Димитровым моей матери. После того, как он вырвался из фашистской Германии, Георгий Димитров приезжал к нам. Был весел, но выглядел очень уставшим и просил пока не расспрашивать его ни о чем. Затем я видел Димитрова еще несколько раз, но особенно запомнилась последняя встреча — перед его отъездом на родину уже после войны.

— Скоро приглашу вас всех в Болгарию,— сказал он моей матери. Но не успел...

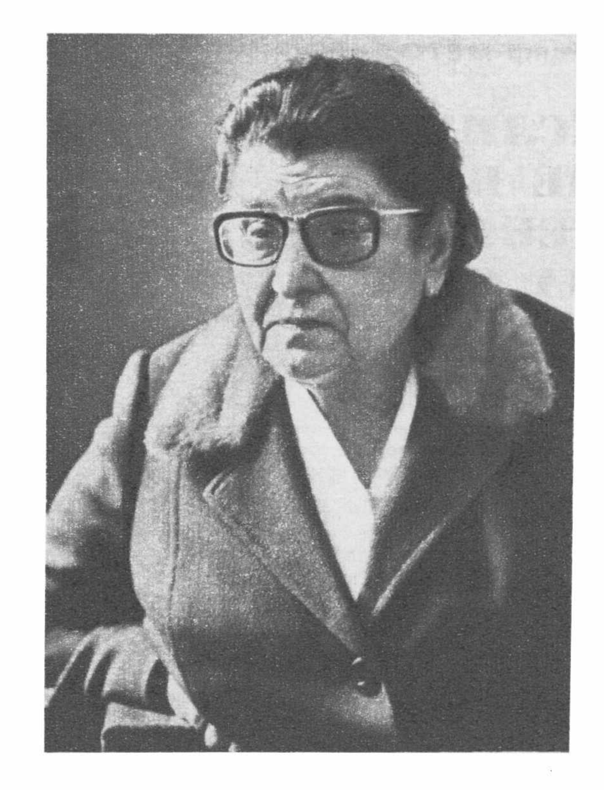
Реликвии, связанные с именем славного сына болгарского народа, должны находиться на его родине, и я рад передать их музею Георгия Димитрова в Софии.

В. КРЫЛОВ, доцент кафедры физики МХТИ имени Д. И. Менделеева

Открытка, написанная Г. Димитровым.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Цола ДРАГОЙЧЕВА,
член Политбюро ЦК БКП, председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы

Союз Советских Социалистических Республик. Нет в Болгарии человека, в чьем сердце не горела бы негасимым пламенем любовь к этой стране. Чувство это естественно и органично для каждого гражданина нашей родины. О его истоках, его незыблемой основе очень хорошо сказал товарищ Тодор Живков: «Нас связывают не только славянская кровь, не только балканская вершина Шипка, плевенские редуты, бесчисленные братские могилы далекого и близкого прошлого, кровь, пролитая русскими и советскими богатырями за свободу Болгарии. Нас связывают общие идеи, общие цели, общая борьба, общее коммунистическое будущее!» Вот почему наша дружба самая великая, самая прекрасная, самая неподдельная.

Судьба каждого болгарина так или иначе связана с Советской страной.

Я много раз бывала в Советском Союзе. Со дня моей первой встречи с родиной Октября прошло сорок лет, но я помню все, как будто это было совсем недавно.

В августе 1932 года после семи лет тюрьмы по решению ЦК нашей партии я нелегально выехала в Советский Союз. В Москву пришлось добираться кружным путем — через Берлин, Щецин, Ленинград. На пароходе, который шел в Ленинград, я впервые в жизни услышала патефон. Шаляпин пел «Эй, ухнем!». Я просила заводить эту пластинку десятки раз. В Москве я попала на новогодний вечер, он проходил в бывшем дворце какого-то богача. Там были студенты из разных стран. Трудно передать царившую на вечере атмосферу революционной солидарности, боевого энтузиазма. Под сводами зала звучал «Интернационал», пели мы «Заводы, вставайте!». Потрясающее впечатление на всех нас произвело выступление ансамбля Красной Армии. Это настроение подъема не покидало меня. С первых же дней на советской земле родилось стремление быть достойной великой страны-друга, стремление выполнить все, чего ждет от меня партия.

Помню Москву начала тридцатых годов. Жизнь тогда была нелегкой. Люди одеты скромно. Витрины пустые. На заводе в обеденный перерыв рабочие ели жиденькие щи, а бригадир читал им свежий номер «Правды», и все слушали, стараясь не проронить ни словечка. Какова же самоотверженность советских людей, их преданность революции, партии, думала я.

Помню битком набитые трамваи и автобусы, а над головами людей целый лес рук с книжками. Почти каждый читал, невзирая на давку, пустой желудок, худые ботинки. Мне запомнилось, что у многих в руках были учебники.

Когда я ехала в поезде из Ленинграда в Москву, нашими соседями оказались несколько богатых американцев и старый большевик. Американцы держались презрительно и высокомерно — капиталисты ведь, ясно. Старый большевик с жаром говорил: «Вот увидите, будут у нас свои специалисты, и языки иностранные будем знать, найдется и вам чему у нас поучиться!» Не каждый мог тогда на веру воспринять эти слова. А сегодня они стали былью, и нас с вами это нисколько не удивляет.

Во время учебы в международной Ленинской школе у нас была практика в Среднем Поволжье. Ездили в Самару, Ульяновск, Саратов. Изучали партийную работу на местах, опыт организации социалистического соревнования. Присутствовали на заседаниях в партийных организациях, где давались задания партийным работникам. Однажды нас повезли посмотреть образцовый по тем временам колхоз. Сразу скажу, достижения этого хозяйства произвели потрясающее впечатление. Судите сами: ведь мы приехали из страны, где царили бедность, нищета, заботы о человеке никакой, техники у крестьян не было и в помине. Тут мы увидели отличные свинофермы, побывали на полевом стане. Киоск, столовая, душ — воду грели на солнце с помощью листов железа. Колхозницам привозили грудных ребятишек, чтобы матери могли их покормить. И сюда же на полевой стан приезжали артисты, выступали перед колхозниками. «Это у нас показательный колхоз»,— говорили нам хозяева. Сегодня то, о чем я рассказываю, может вызвать улыбку, но в те годы для нас это было настоящим откровением. И не удивительно. Достаточно вспомнить, как мало тогда еще было коммунистов в деревне. Помню, в одном колхозе их насчитывалось трое, а в другом — девять. «У вас много партийцев,— говорили про тот, второй,— некоторых переведем, чтобы укрепить другие хозяйства».

Какой же убежденностью, верой в дело партии обладали большевики, несмотря ни на что воплощавшие в жизнь великие планы преобразования общества! Сколько было у них врагов и препятствий! Чего стоила одна только контрреволюционная пропаганда попов, которые внушали крестьянам, что тракторы навсегда испортят поля и земля перестанет родить хлеб! И все же большевики умели увлечь массы за собой. Именно такими и должны быть настоящие коммунисты, говорила я себе. Коммунист — это человек, который раздает всего себя людям. Такими и были наши советские товарищи. Это мое главное впечатление от первой встречи с Советской страной.

А последняя встреча была совсем недавно — летом этого года. Я принимала участие в работе проходившей в Улан-Баторе встречи представителей обществ дружбы социалистических стран с Советским Союзом. На обратном пути состоялось первое в моей жизни свидание с Сибирью, которая буквально пленила меня. В Иркутске явственно ощущаешь дыхание декабристов. Неистребимый в русском народе дух свободолюбия и мужества там, на сибирской земле, чувствуется особенно остро. А Байкал! Так и хочется поставить целую шеренгу восклицательных знаков. Но разве они передадут бездонную свежесть байкальской волны, что не скрывает ни камешка на дне, или зеленый простор тайги? Нет! Это надо видеть! А люди! Какой певучий, смелый, остроумный народ — сибиряки. Они пленили нас своим радушием и гостеприимством. Мы чувствовали себя в Иркутске, как дома. Все нас там восхищало. Все время было радостное, приподнятое настроение. Когда плыли на катере по Байкалу, мы, люди уже далеко не молодые, веселились, как дети.

Очень сердечной была встреча с первым секретарем Иркутского обкома КПСС Н. В. Банниковым, которого мы поздравили с награждением орденом Ленина. И, конечно, зашла речь об Усть-Илиме, где будут работать и болгары. Поистине далекое — близкое. Это особенно заметно на примере братских государств — членов великого социалистического содружества.

Нити интеграции связывают в единый организм наши страны. Ярчайший пример этого — Монголия. Мы были в Дархане. Это настоящий социалистический город. Советский град — так и хочется сказать по-болгарски. В каждом дворе мамы зовут ребятишек домой на разных языках: и по-монгольски, и по-чешски, и по-польски, и по-русски. Нашей переводчицей была девушка-монголка, которая шесть лет проучилась в Болгарии.

Климат дружбы, масштабы социализма — вот это видишь воочию в народной Монголии. И в свершениях сегодняшней Монголии, перешагнувшей из феодализма в социализм, я тоже вижу воплощение слов старого большевика, с которым 40 лет назад ехала в поезде морозной зимней ночью из Ленинграда в Москву.

Я помню запах московского снега и радугу в капле байкальской воды. На всю жизнь остались у меня в памяти великие и малые мгновения встреч с советскими людьми, с вашей прекрасной страной — самым близким и кровным другом народной Болгарии.

Димитр **МЕТОДИЕВ**

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ТЕБЯ НА СВЕТЕ

Они б огонь нам принесли и ад,
Земля б лежала мертвая в печали...

Тела повешенных ветра качали,
Когда они кичливо нам кричали:
— Назад!..
— Назад!..

Когда б не ты...
С какой они усладой,
Чтоб показать свою и спесь и власть,
Пустили б убивать, калечить, красть
Воздушные и прочие армады.

Когда б не ты,
Оглохшая от гула,
Но, к людям всей земли любви полна,
Нам руку дружбы вдруг не протянула,
СССР — великая страна?..
И я в любви тебе признаться рад,
Ты верностью в душе болгар светила.
И если нам теперь грозятся силой,
Ты гневно говоришь:
— Назад!..
— Назад!..

С надеждой на тебя глядят народы,
СССР, в веках рожденный жить.
Раз есть ты на земле,—
огни свободы
Никто уже не сможет погасить.

И я горжусь,
Что помню поименно
Крещенные твои огнем знамена.
Мне большей чести от судьбы не надо —
Хотел бы вечно быть твоим солдатом!

Перевел с болгарского
Евгений **АНТОШКИН**.

Слав Хр. **КАРАСЛАВОВ**

* * *

Я здесь родился. И нашел, как птица,
свой верный тон, здесь выверил настрой.
Из стебля жизнерадостной пшеницы
моя свирель. Здесь плыли надо мной,
как облака, легенды вереницей,
и голоса ловил их всякий злак.
Мне открывалась в колосе пшеницы
земля, тебя вскормившая, Спартак!

По камням обомшелым и раскопкам,
пожаром обожженным и ветрами,
угадываю древние я тропы.
Я вижу, как дрожащими руками
клад зарывает воин бледнолицый
и ставит мету — тайный ставит знак.

Мне открывалась в колосе пшеницы
земля, тебя вскормившая, Спартак!
Я в непокорность верую твою,
с ней неподкупен я и несгибаем,
я с этой верой выстою в бою.
Пока живу, пока дышу, я знаю
тропу, где в маках кровь твоя струится,
тропу, испепеляющую мрак.

О мать-земля, тебе на ней родиться
бессмертьем было суждено, Спартак!

Перевела с болгарского
Людмила **ШИКИНА**.

ЗЛАТЮ БОЯДЖИЕВ

Димитр АВРАМОВ, искусствовед

Едва ли есть другой болгарский художник, который так решительно заставлял бы колебаться любое дерзкое перо, пытающееся описать и объяснить его творчество, как Златю Бояджиев.

Мир, создаваемый его кистью на протяжении почти полувека, поражает масштабностью и многогранностью, обилием и необычайностью флоры и фауны, своим глубоким смыслом.

В картинах живописца предстает не воображаемый сельский быт. Это мир, непосредственно наблюдаемый художником; мир, в котором он прожил самые лучшие, самые счастливые свои годы, мир, который он глубоко знает и любит. Это прежде всего незабываемое село Брезово — его первая «вселенная». Мне трудно назвать другого болгарского художника, настолько связанного духовно с местом, где он родился, с маленьким клочком земли, на которой вырос и которая стала неисчерпаемым источником сюжетов — одних и тех же и вечно новых.

Герои Златю Бояджиева — это образные вариации одного постоянного типа, но друг на друга они не похожи, потому что за каждым — живой человек: вот этот пастух или охотник — его отец; эта крестьянка или жница — его мать; этот сельский сторож или свинарь — хорошо знакомый ему земляк из Брезова.

У художника простые крестьяне приобретают какую-то неожиданно величественную осанку. Его любовь к своим героям облагораживает людей, наполняя их духовной силой и красотой.

После 9 сентября 1944 года под влиянием общественно-политических и экономических перемен в Болгарии круг тем в искусстве Златю Бояджиева неминуемо должен был расшириться. Ничуть не уходя от «Брезовского цикла», который остался постоянной тематической доминантой в его творчестве, художник обратил свой взор к ряду характерных явлений — новых и решающих для будущего нашей страны. Эти явления предшествовали социалистической индустриализации или были ее первыми провозвестниками. А индустриализация — это прежде всего напряженный ритм, непрерывное ускорение, динамизм. Как все это далеко от пасторального спокойствия фракийских полян с расположившимися на них брезовскими пастухами, увлеченными сладкоречивыми разговорами, от их ритуально-стереотипного быта и идиллического однообразия! При переходе от этого к современной промышленной действительности у человека появляется чувство, что он переходит из одного мира, устойчивого в своей патриархальной отсталости, в другой — мир устремленного движения и быстрых перемен. Таким образом, если для изображения первого подходила стилизованная классическая форма, то для второго она могла бы оказаться не совсем уместной или, точнее, не всегда уместной.

После преодоления драматического кризиса, связанного с болезнью (с 1951 года у художника парализована правая рука), Златю Бояджиев передает суровый сюжетный бытовизм исключительно динамической и экспрессивной живописной техникой. Она явилась выражением его нового мироощущения. Неистощимое воображение художника ошеломляет пестрой галереей образов, незнакомых до тех пор нашей живописи. В этом мире нескончаемого, напряженного движения, где человек карабкается и сходит по каменистым склонам, мире, в котором старое и новое, отмирающее и нарождающееся, преходящее и непреходящее, разум и безумие, нормальное и уродливое, порядок и хаос постоянно расходятся и сталкиваются, только поверхностный глаз узрел бы триумф прошлого. На самом деле это лишь средство, чтобы достичь, может быть, самых глубин болгарской истории, достичь той сути, что остается неизменной за преходящими проявлениями.

События, воссозданные Златю Бояджиевым, от самых повседневных до самых исключительных, кажутся органическими деталями народного быта, фрагментами национального фольклора даже в случае, когда содержат не много его внешних этнографических атрибутов. Природа в его картинах часто похожа на фантастические декорации: горы и скалистые вершины гиперболично высоченны; деревья сильно стилизованы, солнце, как апельсин, блестит в их ветвях, населенных разнообразными птицами; всевозможные животные, среди них и хищники, мирно сосуществуют...

Сказочный и полный неожиданностей мир Златю Бояджиева — это его детище, оно ему подчиняется. Здесь господствуют вечные законы красоты: симметрия, равновесие, гармония. Композиция, пирамидальная или круговая, крепко сбалансирована, чаще поделена надвое горной вершиной, архитектурным массивом или каким-то возвышающимся на горизонте деревом. Планы, освобожденные от бегущих вглубь, смыкающихся линий, строятся чаще всего друг над другом в четко вертикальном ритме. Беспокойные удары кисти, создающие необыкновенную живописную динамику полотна, рождают свежую гармонию колорита. Она звучит более чисто и более интенсивно в полифонии дополнительных красок (особенно в оранжевом и синем) или в мягких коричневых, серых и золотисто-охристых аккордах.

Неповторимое выражение поистине творческой личности, самобытной и крепко связанной с народным началом,— искусство Златю Бояджиева поднимается до уровня мудрой философии. Здесь есть и грусть по утраченному раю наивной простоты, и тяга к миру, где природа и люди, животные и птицы связаны в единое целое. Но главное — торжество победы над силами преходящего, неразумного и хаотичного. В самом завуалированном виде это торжество предстает в образе так любимого художником и часто изображаемого им платана, впившегося крепкими корнями в землю, которая дает ему живительные соки, раскинувшего сказочную крону с фантастическими цветами и птицами. Более открыто это настроение проявляется в ряде полотен, посвященных одному из самых выдающихся событий в истории болгарского народа — Апрельскому восстанию и его бессмертным движущим силам. Нет ни одной неодушевленной детали в картинах Златю Бояджиева. Животные и люди, былинка в поле и могучие массивы гор — все, от самого малого до самого большого, от самого близкого до самого далекого,— все живет, дышит, чувствует одной душой — единой и неделимой.

Все как будто скрывает за внешней оболочкой внутреннюю, духовную сторону, которая призывает, чтобы ее любили, чтобы ее понимали. А не является ли само искусство этого художника символом? Символом выносливости человеческого духа, несгибаемой воли человека, который, поборов коварство болезни и превратности судьбы, продолжает создавать шедевры красоты и гармонии, художника, сумевшего раскрыть своим творчеством главную силу искусства — быть средством общения и дорогой к сердцам людей.

Златю Бояджиев. (Родился в 1903 г.) 9 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА В БРЕЗОВО.

Златю Бояджиев.
ПОРТРЕТ ИВАНА ВАЗОВА.

КУПИТЕ ЗАВОД

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Трудно найти человека, которому не приходилось бы быть покупателем. Ну, а где торговля, там и реклама. Вот, например, такая: «Хотите быстро и выгодно построить современный завод или сельскохозяйственный объект? Самый короткий путь к этому —«Техноэкспорт»— известный во всем мире экспортер 420 видов комплектных объектов для всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. Наш адрес — София, площадь Ленина,16».

Давайте вообразим себя покупателем, который отправился по этому адресу.

Корреспондента «Огонька» принял заместитель генерального директора объединения «Техноэкспорт» товарищ Стоян Бачийский.

Покупатель. Скажите, пожалуйста, что может предложить ваше объединение?

С. Бачийский. Выбор немалый. Хотите теплоэлектростанцию, текстильный комбинат, завод ферросплавов, птицефабрику? А может быть, вам нужны теплицы или завод фруктовых соков? Кожевенный комбинат, промышленный холодильник, винный завод? Пожалуйста, выбирайте!

Собеседник протягивает мне толстую книгу — проспект, где на полутораста страницах перечислено все, что может спроектировать, построить, поставить «Техноэкспорт»,— четыре с лишним сотни названий.

Покупатель. Предположим, мне нужен текстильный комбинат. Но ведь существует множество фирм в разных странах, которые могут выполнить мой заказ. Как «Техноэкспорт» находит своих покупателей?

С. Бачийский. Наше объединение имеет торгово-сервисные бюро за рубежом. Они изучают состояние рынка, потребность в тех или иных объектах. Кроме того, есть специальный отдел, который занимается изучением мирового рынка. Наши специалисты посещают разные страны и на месте знакомятся с потребностями в нашем товаре. Торгпредства тоже ищут партнеров.

Покупатель. Мы остановились на текстильном комбинате. «Техноэкспорт» готов его поставить. Но ведь у вас есть и конкуренты. Не отобьют ли они покупателей?

С. Бачийский. Конкуренция, конечно, есть. Но мы успешно ее выдерживаем. Первое оружие в конкурентной борьбе — цены. Следует хорошо знать мировые цены, и наши предложения должны быть самыми выгодными для партнера. Высокий технический уровень и новинки технологии — второй наш козырь. Большое значение, особенно для развивающихся стран, имеют долгосрочные кредиты, которые мы предоставляем, и очень маленькие проценты — 3—5 процентов. А капиталистические фирмы берут значительно больше. Ну и, наконец, болгарские специалисты оказывают помощь в подготовке кадров на местах. Помощь эта бескорыстная, а не погоня за прибылями. И это хорошо понимают партнеры. Вот за все перечисленные качества заказчики и выбирают именно нашу фирму.

Покупатель. Пожалуй, действительно прямой смысл остановить свой выбор на «Техноэкспорте». Это выгодно заказчику. А вашему объединению?

С. Бачийский. И нам тоже гораздо выгодней поставлять комплектные объекты, чем отдельные станки или машины. Когда мы поставляем какой-либо стране целый завод, мы получаем деньги не только за оборудование. Сюда входит, если можно так выразиться, и плата за техническую мысль, за то, что придумано, разработано болгарскими специалистами. Это одна сторона дела — материальная. Но важно еще и другое. Если Болгария способна поставлять целые заводы, то это говорит о высоком уровне промышленного развития, о ее технической зрелости. А всего три десятилетия назад Болгария была отсталой, сельскохозяйственной страной. Табак и розы — вот с чем мы выступали как экспортеры. Так что само существование нашей фирмы свидетельствует о том, какие гигантские перемены произошли в нашей стране за три последних десятилетия.

Покупатель. А где уже действуют объекты, поставленные «Техноэкспортом»?

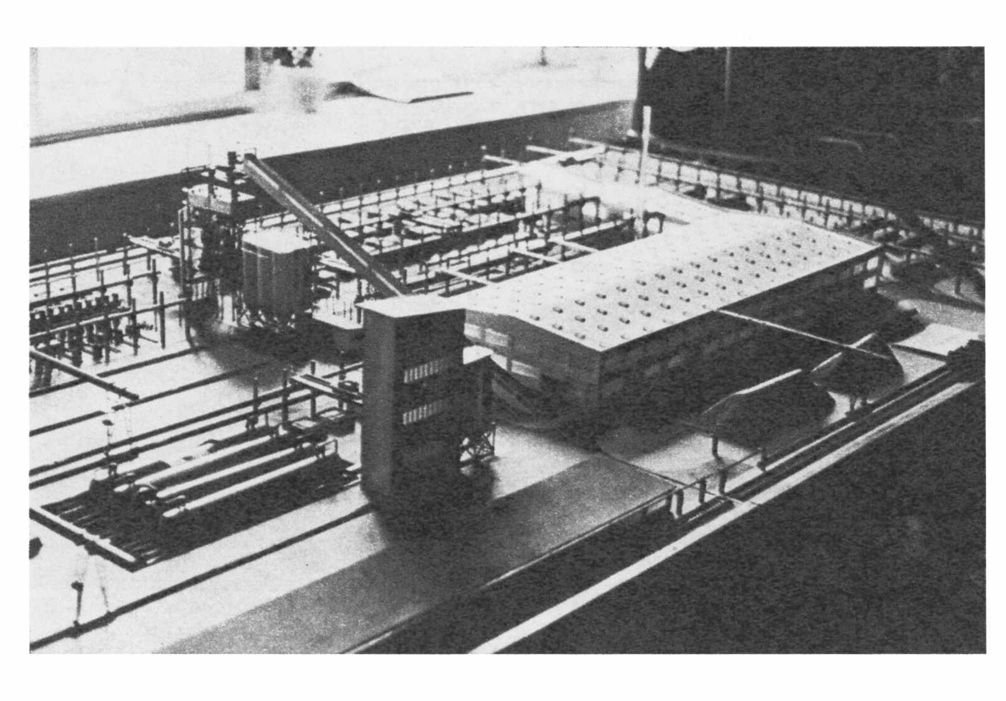
С. Бачийский. Мы имеем связи с двадцатью восемью странами. В Польше, Югославии, Монголии, КНДР работают наши теплицы. В Алжире действуют текстильный и кожевенный комбинаты. В АРЕ — завод ферросплавов, там же строятся шесть птицефабрик. Сирии мы поставили холодильник и винный завод, Ираку-керамический завод, консервные фабрики. Заканчивается строительство завода серной кислоты в Индии.

В рамках СЭВа Болгария специализируется на поставках технологических линий для пищевых предприятий. Такие линии работают в нескольких городах Советского Союза.

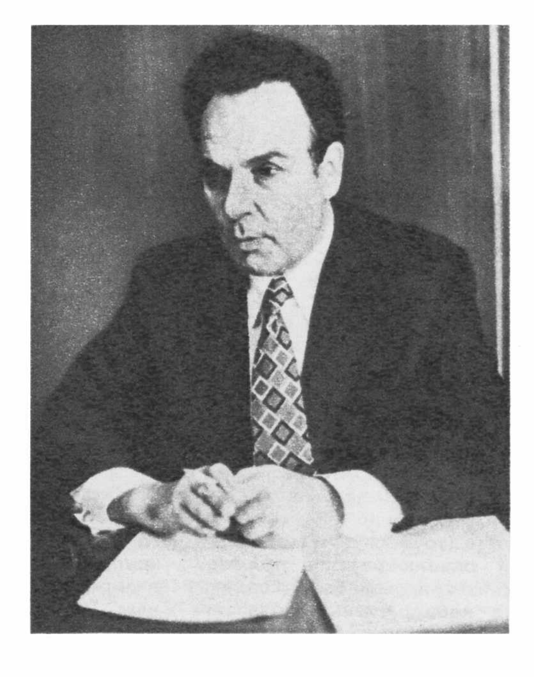
Когда наш диалог «покупателя» и «продавца» подходил к концу, в кабинет вошел сотрудник «Техноэкспорта» с билетами на самолет. На обложках билетов красовалась эмблема иностранной авиакомпании.

— Снова в путь, в далекие края?

— Да. Служба наша такая,— улыбнулся на прощание другарь Бачийский.

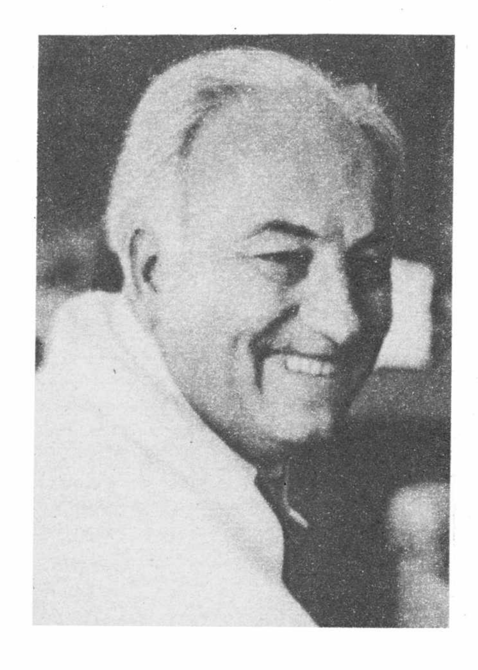

По макету покупатель может сделать выбор.

Заместитель генерального директора объединения «Техноэкспорт» Стоян Бачийский.

Фото Л. Шерстенникова.

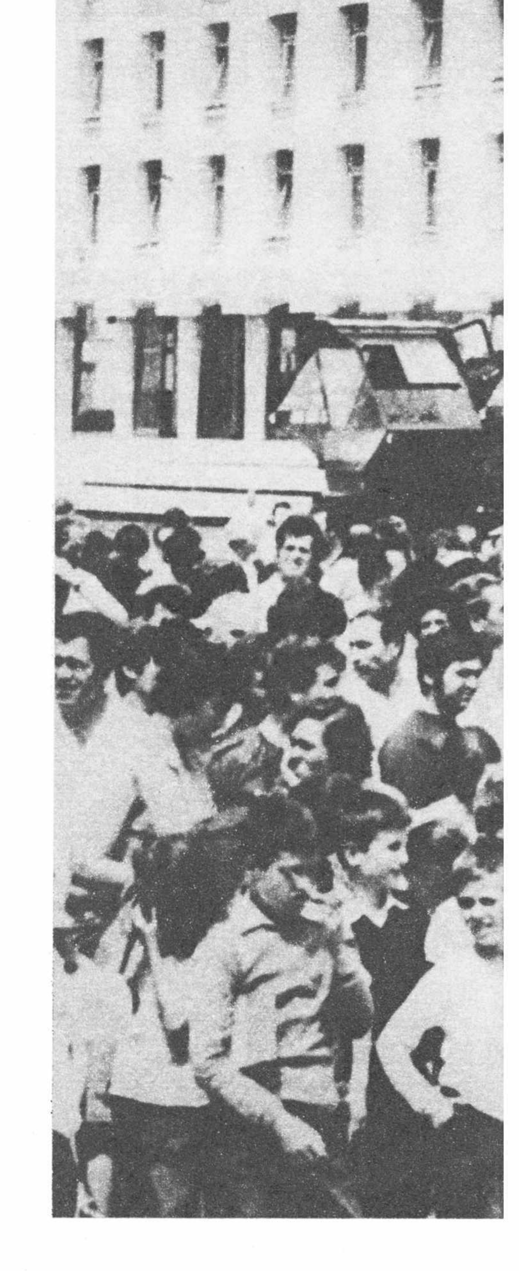

Покупая болгарские помидоры, виноград или курицу в аккуратном целлофановом пакетике, мы не задумываемся, что каждая такая элементарная покупка — это как бы визитная карточка, которая говорит об успехах сельского хозяйства Болгарии.

Небольшая страна, которая всего тридцать лет назад по средним урожаям сельскохозяйственных культур, по продуктивности скота, по доходам на душу сельского населения находилась на одном из последних мест в Европе, сегодня снабжает плодами своей земли, своего труда многие государства.

Таков результат огромной работы, которую проделала Болгарская коммунистическая партия по преобразованию сельского хозяйства.

Получить представление о масштабах и значении этих преобразований можно на примере одного округа. Слово — СЕКРЕТАРЮ ПЛЕВЕНСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА БКП ТОВАРИЩУ ПЕНКО ГЕРГАНОВУ.

Коммунисты и все, кто трудится на нивах Плевенского округа, идут в первом эшелоне. Мы гордимся, что наш округ стал пионером коллективизации. Еще до 9 сентября 1944 года (то есть до социалистической революции) по примеру советских колхозов были созданы первые кооперативные хозяйства в селах Тотлебен, Стежерово и Обново. Но подлинная революция на селе началась после исторического 9 сентября. Спустя всего 13 лет товарищ Тодор Живков скажет, что болгарские крестьяне вторыми в Европе выиграли великую битву за победу социализма на селе.

В 1959 году плевенские механизаторы Петр Колев и Васил Дочев — ныне Герои Социалистического Труда,— используя советский опыт, первыми в стране успешно применили комплексную механизацию при выращивании кукурузы. Они положили начало внедрению промышленных методов в растениеводство. Естественно, выросла производительность труда, удешевилась продукция. Их примеру последовали другие, родилось массовое движение. Звенья комплексной механизации переросли в бригады, а последние превратились в бригады промышленного производства. Сейчас они главная сила, которая производит пшеницу, ячмень, кукурузу, подсолнечник, сахарную свеклу и другие культуры.

Пленум ЦК БКП в апреле 1970 года назвал наиболее целесообразной формой в наших болгарских условиях агропромышленный комплекс — АПК. Это крупная социалистическая, экономически мощная сельскохозяйственная организация с высокой степенью концентрации и углубленной отраслевой специализацией.

В Плевенском округе 10 АПК и один ПАК (промышленно-аграрный комплекс) со средней площадью обрабатываемой земли 25 тысяч гектаров. Созданы предпосылки для перевода сельского хозяйства на индустриальную основу. Теперь производство каждого продукта сконцентрировано в крупной самостоятельной специализированной единице, что позволяет использовать современную высокопроизводительную технологию.

Примером такой единицы может служить птицефабрика, созданная в АПК «Великий Октябрь» в селе Пордим, самая большая в стране, которая производит 6 миллионов бройлеров и 22 миллиона яиц в год.

А птицефабрика в АПК «9 сентября» ежегодно дает 78 миллионов яиц.

Производство телятины предусматривается сконцентрировать в промышленно-аграрном комплексе, где будут откармливать в промышленных условиях ежегодно 20 тысяч телят со всех молочных ферм округа. Только этот комплекс после завершения будет давать 7 838 тонн телятины в год.

Окружной комитет партии уделяет постоянное внимание широкому внедрению автоматизированной системы управления. В округе созданы: единая система телетайпных и диспетчерских установок, машиносчетная станция, электронно-вычислительный центр, который дает своевременную информацию руководителям сельскохозяйственного производства.

Наши усилия в выполнении решений партии привели к увеличению сельскохозяйственного производства и повышению его эффективности. Только за первые три года шестой пятилетки производство сельскохозяйственной продукции выросло на 20,2 процента по сравнению со среднегодовым показателем в пятой пятилетке.

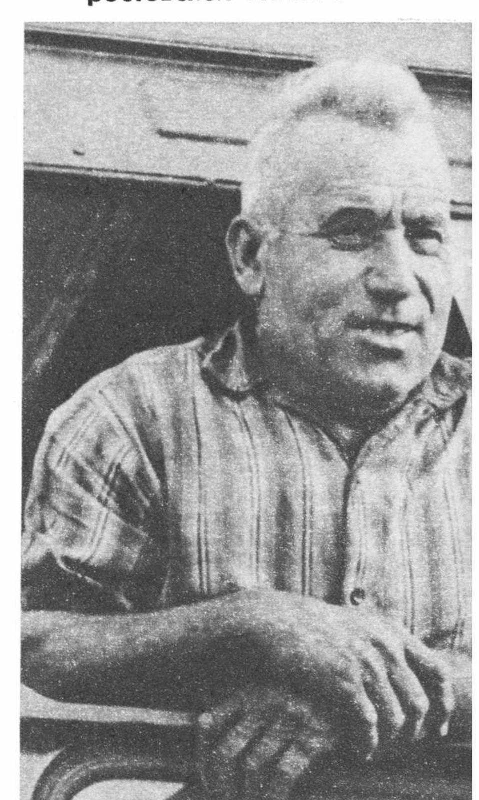
Общий переход сельского хозяйства на промышленную основу и подъем культуры земледелия ускоряют решение и другой важной социально-экономической задачи — постепенного превращения сельскохозяйственного труда в разновидность промышленного и преодоления существенных различий между городом и деревней.

Увеличивается доля творческого, более сложного и квалифицированного труда. Сейчас механизатор должен не только хорошо знать машину, которой он управляет, но и разбираться в биологии животных, растений. По существу, он же и агротехник, почвовед, агробиолог. Животновод на птицефабрике или скотооткормочном комплексе — это человек, овладевший сложной техникой, зоотехнической и ветеринарной наукой.

Изменяется и сам облик нашего села. Во всех домах 113 населенных пунктов округа есть электричество, 107 из них имеют водопровод. Жилой фонд после 9 сентября 1944 года полностью обновлен. В округе давно нет села, к которому не вела бы асфальтированная дорога, в каждом — красивые общественные здания, асфальтированные главные улицы. Нет дома без радиоприемника или радиоточки, а более половины имеют и телевизоры.

Вместе со всем болгарским народом трудящиеся Плевенского округа готовятся достойно встретить славный тридцатилетний юбилей нашей социалистической революции. Это еще один счастливый повод для выражения нашей любви и признательности к народам великого Советского Союза и его ленинской Коммунистической партии за всестороннюю братскую помощь и сотрудничество, за их последовательный интернационализм.

Моно Сейков работает на ростовской «Ниве».

21 июня 1974 года. Торжественный митинг плевенских трудящихся на площади 9 сентября в честь встречи советских комбайнов «СК-5», «Нива», подаренных коллективом «Ростсельмаша».

ВЕНСКИЙ ПРИМЕР

Председатель агропромышленного комплекса «Великий Октябрь» Христо Хинов.

Георги КОНСТАНТИНОВ

ПИСЬМА ВОЙНЫ

Напиши мне письмо...
Самолет пахнет небом и солнцем,
И, как мудрость, белеют под небом России
поля...
И река, вспыхнув молнией,
вдруг пронесется,
А над нами зима распластала
два белых крыла...
Поднимаемся выше...
И вот закружились березы,
И знакомое чувство опять возникает
в груди:
Дом родимый меня обнимает, и слезы
Застывают в глазах,
и Балканы звездой впереди...
Длинный день — день свободы
взошел над страною,
Снова с родиной я,
на губах застывают слова...
Принимает земля, что за счастье боролась
со мною,
Неушедшие письма —
хочу их отдать ей сперва...
Я привез их домой... Их услышат Дунай
и Балканы,
О, как трепетны строки,
прошедшие через огонь...
Сколько б лет ни прошло —
никогда их читать не устану,
Белым сном вспоминая березы
средь алых снегов...

Перевел с болгарского
Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ.

Валерий ПЕТРОВ

СМЕНА МИНЕРОВ

Надпись на доме: «Проверено».
Встречалась она кругом.
Написано мелом уверенно:
«Проверено сержантом Бунчуком».

И, глядя на надпись эту,
подумали мы с теплотой:
«А может быть, рядом он где-то,
этот сержант-герой?»

И вдруг виновато застыли:
глядел он на нас молодой
с портрета на свежей могиле,
увенчанной красной звездой.

Закурили мы, затянулись
и, глядя на дым с тоской,
вдоль незнакомых улиц
путь продолжили свой.

И снова надпись: «Проверено»,—
куда ни направишь взор.
Писал ее так же уверенно
другой уже воин-минер.

Перевел с болгарского
Владимир ЧЕСТНОЙ.

ЗВЕЗД

Блага ДИМИТРОВА

Храню одно воспоминание о своих студенческих днях, воспоминание, которое по странному капризу сопутствует мне во времени и пространстве.

Было это в Ленинграде. Февраль. 1947 год. Снежная метель. «Невы державное теченье» уже давно застыло. Васильевский остров слился с заледенелой Невой и перестал быть островом.

Студенческое общежитие на Пятой линии утонуло в прилежной тишине. Кипяток час за часом подогревал наше усердие перед зачетами. Лампы светили чуть не с полудня. Казалось, что уже вечер. От стука в дверь я вздрогнула.

— Ты не передумала?

Узнала голос болгарского студента-физика Поликарова. Совсем было запамятовала, что хотела посетить их семинар, на который вынесли какой-то студенческий реферат на фантастическую тему «Полеты в космическое пространство». Почему мне это взбрело в голову? И к специальности моей никакого отношения, и времени для лирических отступлений к звездам я не имела. А ветер воет угрожающе. За каким дьяволом мне идти?

— Разумеется, не передумала!

Как будто кто другой ответил за меня. До сих пор не могу понять, какой внезапной фантазии обязана этим своим переживанием, одним из наиболее ярких в моей молодости, которое со временем светится все ярче.

На пороге нас встретила вьюга. Еще была возможность образумиться и вернуться. Вокруг стола над книгами склонили головы мои однокурсницы. Проводили меня недоумевающими взглядами. В комнате было тепло, светло, уютно. А на дворе — белое затмение. И до сих пор пугаюсь мысли, что действительно могла вернуться. Хорошо, что молодость не прислушивается к голосу благоразумия.

Топаем вдвоем к университету. Вьюга, словно обозленная нашим упорством, слепит нас и толкает назад. Раздвигаю ветер плечом и думаю: если наша земля столь холодна и неприветлива, можно себе представить, что же там, в космическом пространстве! Меня бьет ледяная дрожь.

— Слушай, а кто этот юный гений, что выносит реферат? — спрашиваю я своего спутника.

До меня долетают обрывки фраз:

— Я его не знаю... Из Московского университета... Посмотрим, что за птица... Только из-за этого реферата и прибыл... на один вечер.

— А может, и не приехал, в такой-то мороз?

Идем, словно нас ведет наше собственное дыхание.

В нетопленной аудитории только десяток студентов-физиков, два преподавателя и моя филологическая милость. Все остальные между собой знакомы. Сижу среди них в болгарском тулупчике, словно белая ворона. Но если уйду, их станет еще меньше. Останусь уж, для большего счета. На кафедре перед черной доской торчит длинношеий костлявый парень в очках. Бледный, как свечка. В кителе. Тогда юноши еще носили военную форму, в которой пришли прямо из окопов.

Вместо романтического введения, как того требовали мои литературные представления, парень взял мел и повернулся спиной к присутствующим, а точнее сказать, к отсутствующим. Он словно бы и не замечал почти пустой аудитории. Очень близорук, поэтому,— решила я.

Когда он протянул руку, чтобы написать что-то на черной доске, рукав его дернулся и стал совсем коротким. Оголенная до локтя, костлявая, худая рука, посиневшая от холода, начала чертить непонятные для меня фигуры. Меня увлекли далекие видения: война, мои русские ровесники отправляются добровольцами на фронт, среди них и этот тощий, очкастый парнишка, только что покинувший школьную скамью. Он облачается в военную форму. Годы летят сквозь дым битв. И когда спохватился, юноша уже вырос из своей военной амуниции, руки его высунулись из рукавов, тесно им там стало, и движения его требуют большего простора.

А тем временем с черной доски уже смотрят на нас два-три наклонно начерченных остроносых цилиндра, окруженные облаками формул. Докладчик говорит мало, больше пишет. Слушая его, я понимаю только одно: у него сильный насморк. Не решаюсь обратить-

НЫЙ СНЕГ

ся к соседу за разъяснениями. Украдкой вглядываюсь в лица слушателей — пытаюсь прочитать на них, сколь далеко простираются научные полеты мальчишки с короткими рукавами. Но лица молодых физиков непроницаемы — похоже, что это профессиональная черта.

И вдруг слова докладчика поразили меня как гром, хотя он даже не повысил голоса.

— Первые космические полеты будут осуществлены через десять лет! — деловито заявил он, ссылаясь на свои вычисления.

Очень хорошо припоминаю. Это даже для меня прозвучало дилетантски. И все-таки мне хотелось поддержать юношу, подбодрить его, хотя бы добрым словом. В нем было что-то лихорадочное, пламенеющее, нечто противостоящее в сути своей снежной вьюге, окутавшей землю. Ни насморк, ни холод, ни короткие рукава не имели для него никакого значения. Он, видимо, витал совсем в другом мире.

Обсуждение было беспощадным. Вопросы, ответы, опять вопросы. С непостижимой для меня осведомленностью преподаватели и студенты возражали своему московскому коллеге. Я ничего не понимала в их терминах, в их математическом шифре, но силилась уловить по интонации, принимают ли они доклад всерьез. Как мне казалось, что-то основное отвергалось. Что-то, от чего зависело все.

Но юноша не отчаивался. Или хотя бы не подавал виду, что отчаивается. И в конце — новый удар для меня.

Докладчик с невозмутимым лицом сообщил, что в Москве основано студенческое общество по подготовке будущих космических полетов. И он прибыл с поручением организовать отделение общества в Ленинградском университете. Чтобы обмениваться письмами, литературой, опытом. Это слово «опыт» в связи с межпланетными полетами прозвучало в полупустой аудитории весьма странно, если не сказать, безумно.

— Кто желает записаться?

Недоуменная тишина. Он еще раз уточнил, в чем состоит работа членов научного общества. Неуверенно поднялась одна рука, за ней другая. Парень записал фамилии трех новых членов, третий, правда, заявил, что еще колеблется, но попробует.

— Достаточно! — воскликнул москвич, очень довольный.

Быстро обменялись адресами. И докладчик убежал, догоняя свой поезд на Москву. Ему надо было срочно возвращаться. Но что меня больше всего в нем удивило, так это счастливое выражение лица. Мне казалось, что ради этих трех завербованных, один из которых к тому же колебался, юноша мотался в такую даль леденящей послевоенной зимой, когда и поезда и аудитории не отапливались.

С окоченевшими ногами двинулись мы к общежитию. На улице вместе с густым снегом на землю спускался вечер. Мы едва видели на шаг вперед. Но нас, двоих озадаченных болгар, занимали совсем другие мысли. Мы шли, заброшенные высоко в другой мир руками нашего русского сверстника, торчавшими из коротких рукавов кителя.

Поликаров, преодолевая встречный ветер, пытался объяснить мне главные трудности в расчетах студента-первооткрывателя. Топливо для полета в космическое пространство составляло девяносто девять процентов от общего веса. Только один процент оставался для полезной нагрузки. Это звучало совсем безнадежно. В этом направлении еще предстояли поиски. Больше всего меня потрясла скорость — восемь километров в секунду, чтобы преодолеть земное притяжение. Все это выглядело фантастической сказкой, сопровождаемой метелью.

Я представила себе, как парень карабкается на верхнюю полку московского поезда, как протирает свои очки, затуманившиеся от снежинок, и, убаюкиваемый движением, спорит в уме с теми, кто скептически возражал его звездной мечте.

«Только бы он не схватил воспаление легких и не взлетел бы скоропалительно на небо!» — думалось мне, и я чувствовала озноб при одном воспоминании о его коротких рукавах, из которых торчали голые, костлявые, посиневшие от холода руки. Меня преследовала эта назойливая деталь. Я представила себе, как этим худым рукам сначала нужно было прогнать гитлеровцев со своей земли, а потом перебороть не одну зимнюю вьюгу и множество других неизвестных, стоящих на пути к звездам.

А над Ленинградом бушевал снежный звездопад...

Переворачиваю страницы своего студенческого дневника, пожелтевшие, как осенние листья. Ищу февраль 1947-го. Читаю между отмеченными скороговоркой событиями, которые меня взволновали, и проклинаю свою безалаберность, что не записывала подробнее.

«В гостях у Ольги Берггольц. Рассказывала мне о блокаде. Коротко подстриженные волосы, словно льняные. Слышала от студентов, что она отдает свои продовольственные талоны Анне Ахматовой».

«Гуляла у Невы с Сережей Орловым. Он читал мне свои стихи: «Его зарыли в шар земной...» Мороз щиплет мне щеки. Наверное, его лицо страшно чувствительное. Обгорело в пылающем танке и сейчас горит в ледяном пламени снега».

А вот то, что ищу. К сожалению, не точная запись о семинаре по физике, а набросок задуманного стихотворения с посвящением: «Петру Михайлову, студенту-физику МГУ». Так и не разработала свою идею, потому что тогда писала на актуальные темы. А космические полеты не были актуальными. Передо мной зародыш стихотворения. В духе тогдашнего сурового времени случай тот преломился во мне под другим углом — через еще свежие воспоминания о войне:

Мечтатель с первой линии огня!
Бескрайний от пожаров горизонт,
Громов стена сплошная до небес,
Как вечность, звезды скрыли от тебя.
Но через пламя чудом ты сумел
Обугленную руку протянуть
И набросать отчаянный чертеж —
Стрелы, мишенью выбравшей звезду.
А братья неизвестные твои
Лежат в земле, нацелив в небо очи,
И ищут путь свой к звездам, путь прямой.

В день 4 октября 1957 года человечество само себе удивилось, запустив первый свой космический спутник. Но едва ли кто-нибудь может представить себе мое изумление, когда я осознала, что точно десять лет прошло с того снежного вечера в Ленинграде, когда русский студент Петр Михайлов с юношеской дерзостью объявил срок первых космических полетов.

Ночью в определенные часы я ходила в Софийскую астрономическую обсерваторию, смотрела в телескоп, при помощи которого наши студенческие бригады засекали координаты спутника. Однажды даже в «моем» телескопе на секунду мелькнул ползущий светлячок. Глаза мои затуманились, словно запорошила их та снежная метель моей студенческой юности. Сбылось пророчество, десять лет назад прозвучавшее совершенно невероятно. Захотелось поздравить в стихах Петра Михайлова и трех ленинградских студентов, записавшихся в члены общества по подготовке космических полетов. Они, наверное, потом внесли свой вклад в это великое дело.

Безумцы, новых троп первопроходцы
От грязных рытвин стынущей планеты
К зеленым ирисам мерцающей звезды —
Их горсточка — всегда сочтешь на пальцах,
Всегда неловки, бедны, чуть смешны,
Всегда как будто из другого мира.

И все-таки бывает, что успех
Им улыбнется, где-нибудь застанет
Их, постаревших или даже мертвых,
Безумцев, что пробили первый путь.

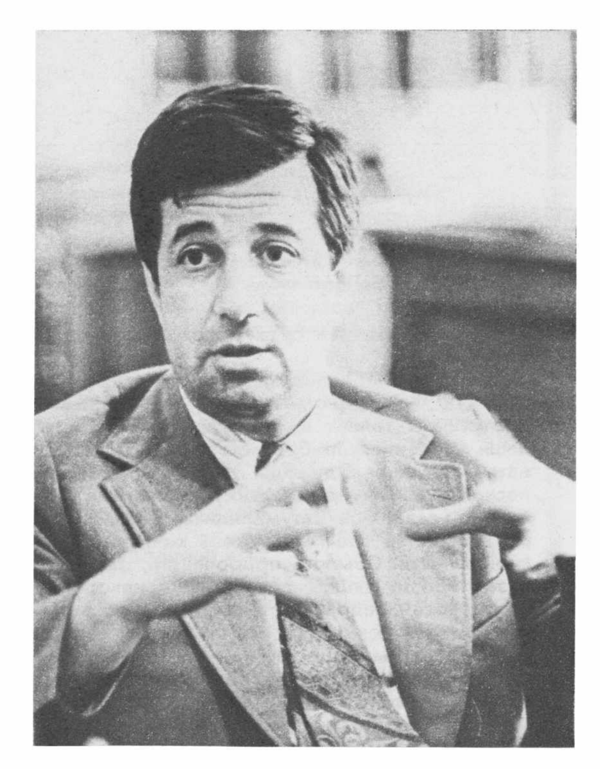
Благоразумные на них глядят
с презреньем.
Практичные смеются им в лицо,
А равнодушные к ним трижды
равнодушны.
А романтичные девчонки в них навек
Без памяти влюбляются... по снимкам,
Когда уж слишком поздно для любви.
Быть может, в этот миг мечтатель юный
Со взглядом — сквозь диоптрии,
как бездна,
Взмахнув рукой в коротком рукаве,
Грядущее схватил в проекте смелом...

И опять через десять лет. Это воспоминание преследует меня с какой-то неотвратимой ритмичностью, всплывая каждое десятилетие.

1967 год, 26 октября. Ханой. День одной из самых варварских американских бомбардировок, когда был разрушен мост Лонг Биен через Красную реку.

Не было времени добежать до какого-нибудь ближайшего убежища. Я осталась под каким-то навесом. Удары собственного сердца оглушали меня сильнее бомб. А мой спутник, вьетнамский переводчик, стоял, не скрываясь, и вглядывался в небо, словно защищая меня своим взглядом. Я подняла глаза в направлении его взгляда. И застыла на месте. Серебристый луч рванулся в синеву навстречу летевшему «фантому». На моих глазах советские ракеты очистили воздух. Мне показалось, что рука того длинношеего русского парня протянулась сюда от другого края неба, вычерчивая фантастическую траекторию ракеты. Но вместо леденящей русской зимы сейчас на меня навалился тропический зной. И опять мне захотелось приветствовать далекого Петра Михайлова стихами:

Мечтатель дней студенческих моих!
Где ты теперь? Не можешь быть не жив!
Или сгорел ты в собственном огне?
Ведь невозможно постареть тебе!
Нет, вижу я тебя — снежинки у виска,
Налипшие когда-то в дикой вьюге,
В той вьюге — вечной молодости бег...
Так вечен и бессмертен звездный снег!

Ректор Софийского университета, член-корреспондент Болгарской Академии наук профессор Благовест Сендов.

Солнечное июльское утро застало нас где-то между Софией и Свиштовом. Включили радио в машине. По сигналам точного времени сверили часы — ровно восемь. «Внимание, говорит София, — произнес диктор. — Сегодня у поступающих в вузы экзамен по географии. В 272-й аудитории Софийского университета кандидат в студенты Иван Георгиев взял билет № 15. Вопрос: «Природные условия и экономика Южной Болгарии». Повторяю вопрос...»

Мы путешествовали по стране как раз в те дни, когда решалась судьба тысяч юношей и девушек — быть или не быть студентами. Шли приемные экзамены.

В республике 102 тысячи студентов. По числу их на каждые десять тысяч жителей Болгария занимает одно из первых мест в мире. Но дело не только в количестве. Сегодня вопрос стоит не так, как в первые годы народной власти, когда в стране было очень мало своих специалистов, а их требовалось как можно больше. Сейчас в центре внимания — качество подготовки выпускников. Об этом рассказывает ректор Софийского университета член-корреспондент Болгарской Академии наук профессор БЛАГОВЕСТ СЕНДОВ:

Самым крупным событием в жизни Софийского университета за последние несколько лет стала интеграция между университетом и Болгарской Академией наук.

Как обстояло дело до недавних пор? Скажем, человек поступал на математический факультет университета, оканчивал его и старался во что бы то ни стало пойти в науку. То есть выпускник стремился работать в каком-нибудь институте академии. Но двигать науку вперед могут лишь самые талантливые. Если же все самые талантливые уйдут из университета в НИИ, то получится, что учить студентов будут люди менее одаренные. Вот эти «ножницы» и толкнули нас на реформы.

В 1970 году было решено объединить Институт математики и механики Болгарской Академии наук с математическим факультетом Софийского университета и создать Единый центр по науке и образованию в области математики и механики.

Сегодня уже можно сказать, что этот опыт изменения структуры высшего образования увенчался успехом. В чем же его суть?

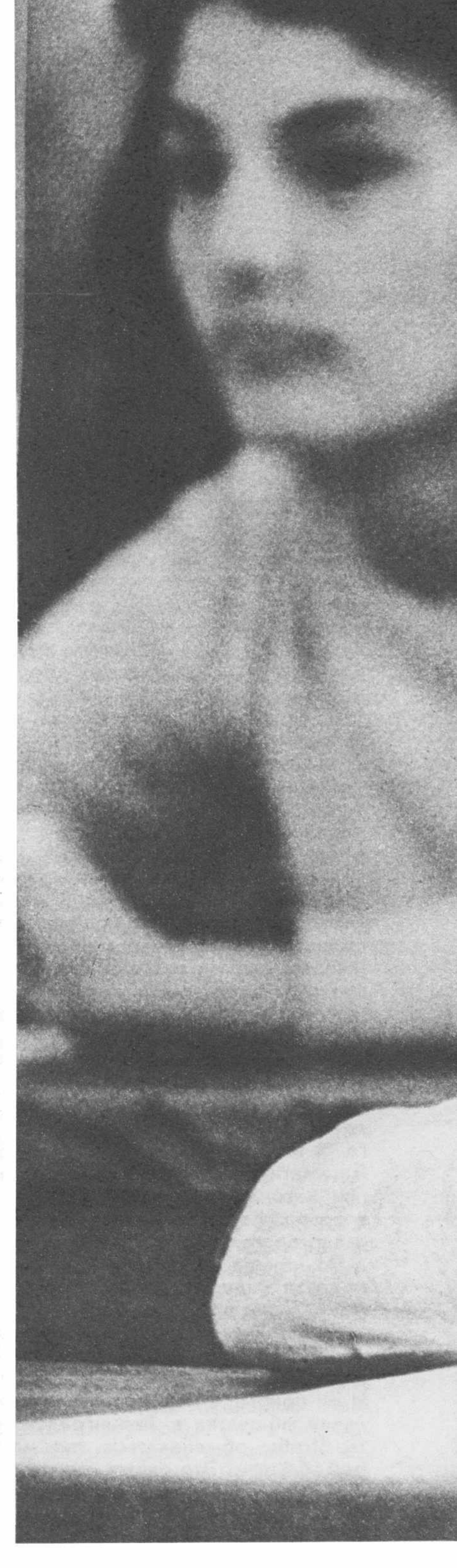
У всех сотрудников этого центра независимо от того, работник ли это университета или института, одинаковые обязанности: все должны преподавать (но не 20 часов в неделю, как у доцента, а скажем, 8 часов), и каждый ведет научную работу по единому плану факультета и НИИ математики. Это то, что касается преподавателей.

Теперь о студентах. Они учатся три года. После чего получают дипломы математиков. Система обучения очень интенсивная. Отброшено все лишнее. Эти три года студенты занимаются только математикой и общественными науками. Группы маленькие — по 12 человек. Сильный преподавательский состав — взяли много людей из НИИ математики. Преподаватель пестует каждого студента, ведет семинары, дает задания на дом, проверяет работы, словом, как садовник, растит специалиста-математика. При этом за три года проходят все то, что раньше растягивалось на пять лет.

После первого и второго курса студенты едут на 45 дней в лагерь, где интенсивно занимаются иностранным языком — учат английский. Русский знают все. Он есть в программе только у тех, кто будет преподавать математику на русском языке.

Через три года происходит разделение на так называемые блоки A, B, C, D.

Итак, студент проучился три года. Если даже он не проявил особых дарований, все равно это уже квалифицированный специалист, который достаточно хорошо знает современную математику, электронно-вычисли-

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ АЗБУКА

Фото Л. Шерстенникова.

Идут вступительные экзамены.

Главный университет республики.

тельную технику. Он получил все необходимые знания и может успешно работать в любой отрасли, где требуются математики-прикладники. А на них сейчас очень большой спрос. После сдачи экзаменов и практики в вычислительном центре (на это уходит еще полгода) специалист готов. Он получает диплом и может идти работать. От него не ждут научных открытий, и, если человек решил на этом закончить свое образование, он сам не станет «пробиваться» в науку.

Вот это и есть блок А.

Теперь, нарушив порядок азбуки, перейдем к блоку D. Это те, кто решил стать преподавателем математики в школе. Они после блока А могут подать заявление о зачислении в блок D. И тогда учатся еще год, но теперь не математике—ее они уже постигли,—а собственно преподавательскому мастерству. Методика, педагогика, психология, практика в школе. Через четыре года педагог-математик готов. Этот путь избирают многие студенты. Ко времени, когда предстоит делать выбор, у молодых людей уже есть кое-какой жизненный опыт, некоторые успели обзавестись семьями и хотят поскорее начать зарабатывать. Появляется сознательный подход к вещам чисто житейским.

А если нет у человека влечения к педагогической деятельности, она ему и «не грозит» — пожалуйста, иди после блока А работать в вычислительный центр, не становись учителем поневоле, то есть по диплому.

И государству это удобно. Если, допустим, выяснится, что не хватает учителей, мы сможем их подготовить не за четыре года, а всего за год.

Самые одаренные студенты поступают в блок В, где учатся еще два года, но уже по избранной математической специальности, которых на факультете шестнадцать. Каждый учащийся имеет индивидуальную программу и своего научного руководителя. За два года студент должен выполнить научную работу и сдать шесть экзаменов. После защиты диплома он получает звание магистра математики. Это будущие научные сотрудники, которым предстоит двигать науку вперед. Они уже имеют публикации, печатные работы. В этом году у нас первый выпуск таких магистров. В октябре в торжественной обстановке я вручу им дипломы.

Ну, и последний блок, С,— это аспирантура. Туда поступают без экзаменов, по представлению научного руководителя сектора, где занимался студент. Каждый год принимается человек десять. Они сдают только кандидатский минимум.

Все эти блоки можно проходить не непосредственно один за другим. Окончил один, поработал, вернулся, проучился еще год или два — шагнул на следующую ступеньку.

Математики уже четвертый год учатся по формуле A+B+C+D. В перспективе — переход к этой азбуке и на других факультетах.

Юрий СБИТНЕВ

ни нашего путешествия по Болгарии — единый просверк. Все открывалось с такой стремительностью, что и подумать жутковато.

Дышащий скошенными хлебами, гостеприимный и теперь уже навсегда врезавшийся в память Плевен, трогательный в своем патриотизме и оттого необыкновенно милый Свиштов, где пришла память о моей юности. Мы приехали на «Свилозу» — крупнейший в Болгарии комбинат искусственного волокна, построенный с помощью Советского Союза. Здесь все самое современное, самое новое. «Правда, ведь красавец наш комбинат!» — говорили секретарь парткома Иван Величков и руководитель группы советских специалистов Юрий Филиппович Денисов, показывая гостям свое детище. А девушка-аппаратчица Иванка Георгиева в спортивной маечке, в синей спецовке и в домашних тапочках на босу ногу сказала мне: «Мы все здесь сидим на программе». Это значит — всеми операциями в цехе командует автоматика. За широким окном аппаратной — фильтры, прессы, переплетение трубопроводов — все так, как в цехе моей юности, но абсолютное безлюдье. Там работают машины, а повелевают ими программные устройства. Здесь, в аппаратной, светятся красные, зеленые, синие лампочки, дрожат стрелки потенциометров и других, каких-то новых, незнаемых мною приборов, и Иванка-аппаратчица, работающая по той же специальности, что и я некогда, «сидит на программе». Многое, многое из моей юности и все совсем другое.

А потом — Дунай и памятники над ним. И снова приходящее воспоминание о Стояне и Владимире Заимовых, так свято и беззаветно преданных родной Болгарии. Кабинет Стояна Заимова с открытой книгой «Война и мир» Льва Толстого, и парк, разбитый им в память о русских воинах, теперь уже тенистый. Живой памятник и ему, страстному поборнику дружбы и любви к нашему Отечеству. Вспомнилась и надпись на стене в маленькой комнатке дома-музея, выписанная четкой славянской вязью: «Говорит Москва! Говорит Москва! Говорит Москва! Болгары, на колени! В эту ночь расстрелян фашистами великий сын Болгарии и всего славянства, генерал артиллерии Владимир Заимов».

А тут, в Свиштове, над Дунаем,— памятники русским воинам, русские имена на них...

И вот Велико-Тырново — гнездо славян, и ощущение того, что ты сам погиб тут, на стенах славянской твердыни, защищая жизнь и свободу. Так крепка эта кровная связь. Так крепка.

Долгая дорога до Варны, прохладное море и разноязыкий говор, как где-нибудь в северных широтах на птичьем базаре. И снова дорога, и снова Велико-Тырново, Габрово...

Шипка.

И две алых капельки крови, дрожащих, стремящихся скатиться в зеленую, полную трескотни кузнечиков траву. Две капельки крови, две ягоды малины, вызревшей тут, подле бывших окопов.

И девушки-бурятки, выкладывающие на зеленом склоне белыми камешками: «Улан-Удэ». А рядом такие же камешки сбежались в слова: «Витебск, Ташкент, Омск, Киев, Тула», и совсем не крупно, но приметно — «Торопец». Да где же это? Что за Торопец? Ворошу память. Маленький городок срединной России, и ты принес поклон спящим тут русским воинам.

Ночь в Карлово. Долина роз. Жаркая София. И один час наедине с горою Витошей. Лиловый татарник, зверобой, бормотание воды в камнях, той самой воды, которая из века в век бежала туда, вниз, в долину, которая поила землю и людей, вращала колеса мельниц и хитроумных машин...

Столетиями озвучивала вода тут тишину. Бег воды. Вечный бег воды. Вода заставляет говорить камни.

Как она близка, эта земля, по которой иду я сейчас, а рядом в белом снежнике гора Витоша. И все тут с детства знакомо мне: и медвяная кашка, и зверобой, и хлопунцы, и конский щавель, и метелки овсяницы, и мелкие-мелкие лиловые и белые колокольцы, и стадо, вдруг представшее за холмом, и податливые стежки. Земля Болгарии, она такая же, как и моя земля.

И сосны и ели — все, все, как у нас в России, и слезы, и радость, и счастье. Да, счастье.

Люблю тебя, осыпанную утренними росами и птичьим гомоном. Люблю тебя, солнечную, дарящую тепло, зеленеющую травами и голубеющую прозрачностью рек. Люблю тебя, несущую на себе бремя большого урожая, когда пахнут твои колосья теплым материнским молоком. Люблю тебя, белую-белую до боли в глазах, до ломоты в висках, в ярких самоцветах легкого морозца. Люблю тебя, потому что ты вечная наша колыбель, от рождения до смерти, от первого вздоха до последнего, до последнего и после него — вечная колыбель наша, земля.

То ли пел, то ли рассказывал все это мне Петко Константинов, старый пастух, на зеленых пастбищах. А может быть, то ветер Болгарии нашептал мне, а может быть, и болгарская мать поведала, с которой шли мы по дороге за деревней Плана, среди картофельных полей. Может быть, она заронила в душу мою слова: «Люблю тебя, Болгария!»

Только что прошумел дождь, и дорога перед нами лежала скользкая, вся в острых стеклышках луж. Тучи отнесло ветром, и навстречу нам ударило солнце так, что и не разберешь, куда уходит дорога. Мне казалось, в небо.

За деревней Плана, что тремя слободами раскинулась по склонам, я нагнал старую женщину.

— Добрый день,— поздоровался я.

Она ответила, глянув в лицо, и улыбнулась. Так улыбалась моя бабушка, Мария Васильевна, добро-добро и чуть с лукавинкой. Дескать, с каким добрым днем пришел? И эта вот улыбка из моего детства вдруг разом как бы приблизила меня к этой земле, приняла, что ли, в землячество, открыла что-то такое сокровенное, отчего все вокруг стало родным. Я заговорил с женщиной, и она ответила мне, и так мы шли рядом, беседуя и понимая друг друга, не замечая, что она говорит на болгарском, а я на русском.

— Что это за крест, мама?

Рядом с дорогой, на лысом, каменистом взлобке, негусто поросшем чахлой травой, стояло надгробие. Она грустно улыбнулась и поведала мне историю.

Поссорились две слободы между собой: вот та, что на дальнем склоне, и эта, что поближе. Поссорились. Давно было это. Очень давно. Из-за чего, теперь уж и не упомнит никто: может быть, из-за клочка земли, может быть, из-за паршивой овечки. Тут случилось, что умер в одной слободе крестьянин. А кладбище одно на всех — в супротивной слободе. Хоронить умершего надо, а та слобода, что с кладбищем, враждует с этой, у которой покойник. Так вот и похоронили бедолагу на холме. В том людская ссора виновата.

Мы постояли недолго над каменным надгробием и попрощались. Моя дорога поднималась в гору и где-то там, высоко-высоко, упиралась в небо. Ее тропинка бежала вниз по склону, к пасущемуся на лугу овечьему стаду. Женщина уходила быстро, выпрямившись и легко. Так ходят только в горах. Я глядел ей вслед. У поворота тропинки она обернулась и помахала рукой. И снова великое чувство близости ко всему, что окружало меня, заполнило сердце. Я подождал своих спутников, и мы вместе пошли по дороге, ведущей в небо.

Вера Милева что-то рассказывала моим товарищам, и я, не желая мешать ей, пошел сторонкой, думая о том, что нынешний день, дождь, белый туман на окатистых холмах, лоскуты туч, несущиеся по небу при полном безветрии, и вот эти гряды цветущего картофеля, и малые венчики паслена, и дорога, уже подсыхающая и оттого пахнущая теплом деревенской печки,— все это было когда-то в моем мальчишестве в моей деревне, и поэтому сейчас вдвойне мне близко. А Вера Милева рассказывала моим спутникам о спутниках. О тех самых, которые бо-

---

В Девненской долине строится крупнейший в Болгарии химический комплекс.

В центре болгарской столицы.

У Мавзолея Георгия Димитрова.

На развороте вкладки:

Георгий Вылев Димитров — специалист по космической геодезии.

Жатва.

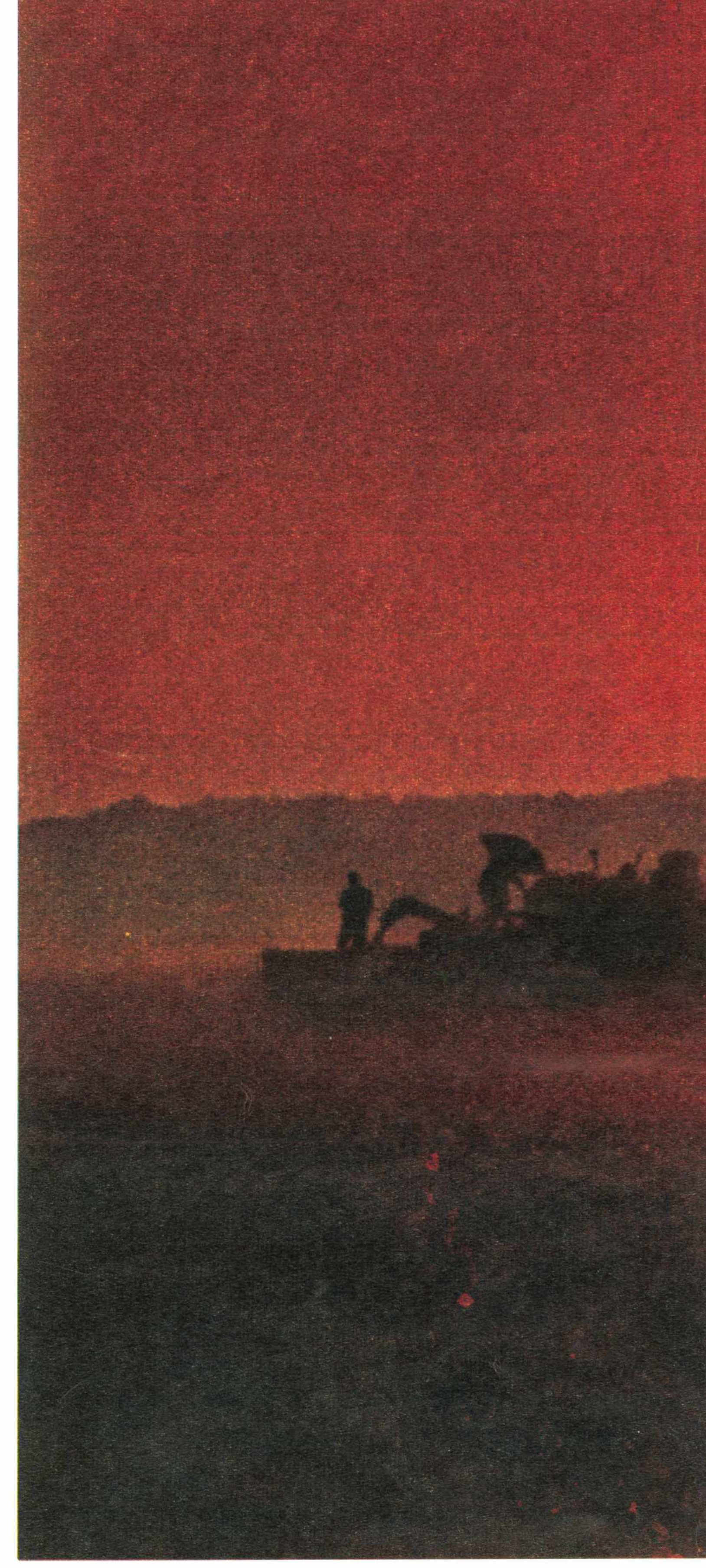
Варна. Памятник освободителям.

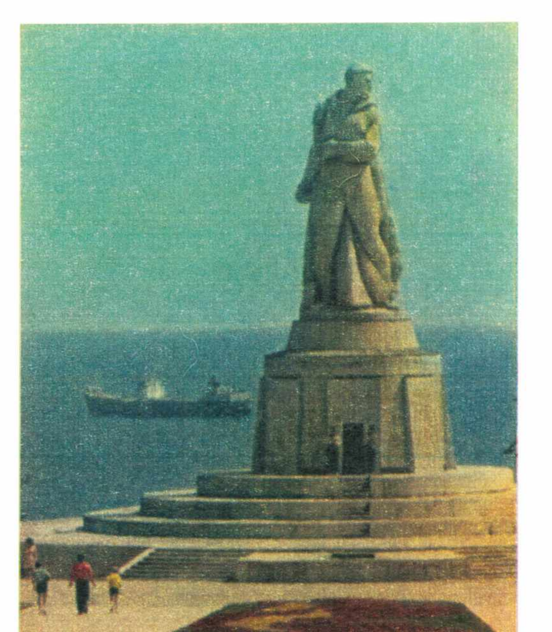
Златни Пясыци.

Школьница Красимира Колева — внештатный сотрудник шуменского ГАИ.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

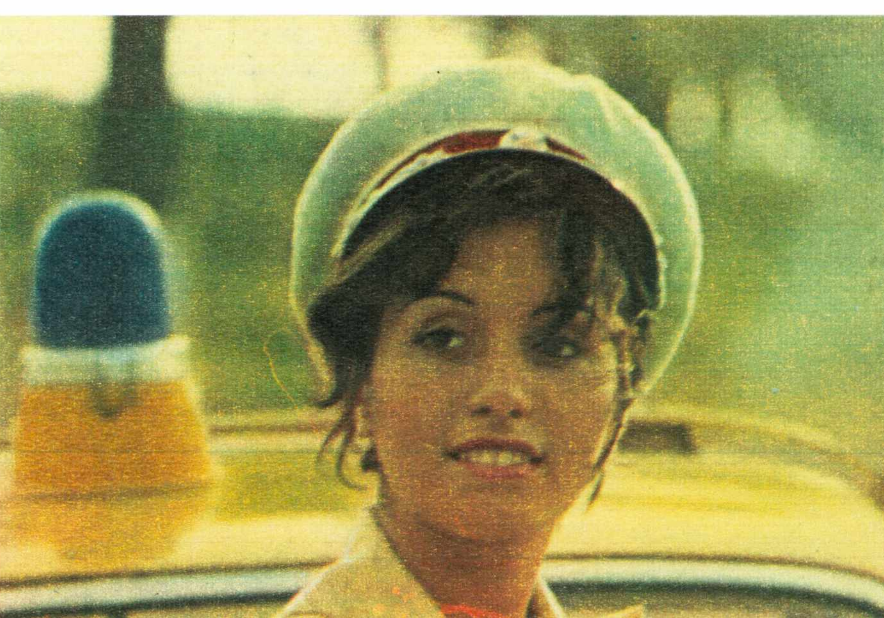

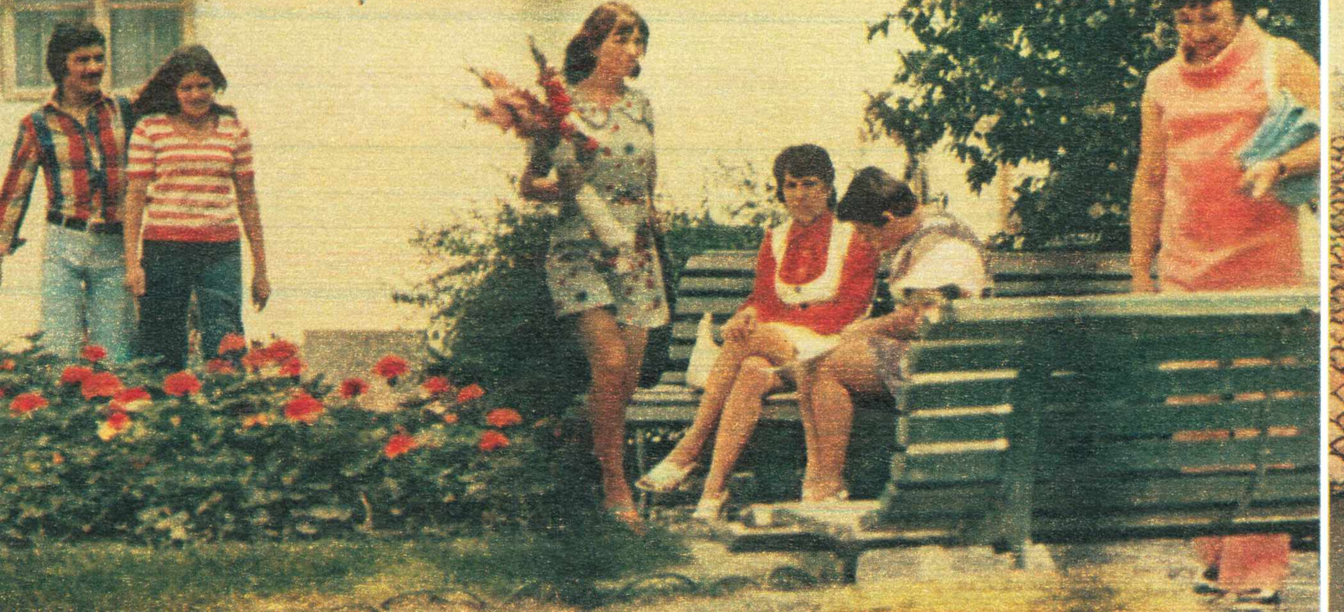

роздят бескрайность неба и которые на всех языках зовутся добрым русским словом. Кому, как не Вере, знать о них? В Ленинграде она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Движение искусственных спутников». Сейчас Милева — заместитель руководителя станции слежения за искусственными спутниками Земли. Станция называется «София». Туда мы и идем дорогой, упирающейся в небо. Я слушаю Веру и думаю о том, что она человек очень добрый и мягкий. Ей хочется, чтобы нам все-все понравилось в ее стране. Она старается рассказать как можно больше.

Станция слежения за спутниками. Два небольших домика на самой макушке горы. В жилом домике мы застали всего одного обитателя: Георгия Димитрова. Вот уже несколько лет специалист по космической геодезии инженер Димитров ведет наблюдения за ночным небом. Через две недели астрономы сменяют друг друга. Георгий пишет диссертацию и скоро будет ее защищать. А пока наблюдения, наблюдения, наблюдения...

— Живем тут вдвоем с Геосом.

Геос — лохматая, чуть кривоногая, но очень добродушная дворняга. Все время, пока мы говорим, поскуливала у дверей, желая принять участие в разговоре.

И снова наши речи о космосе, о тех невидимых трассах, которые прочерчивают в небе спутники. Их много, этих трасс. Потом мы разглядываем графики и карты. В тишину отшельнической кельи двадцатого века, как капли, падают сигналы точного времени, которые посылают кварцевые часы: кап-кап, кап-кап.

— Невидимые капли времени долбят камень бытия,— улыбаясь, говорит Георгий.

Провожает он нас до околицы села. По дороге мы снова слушаем рассказ «о будничных делах небесных» и перепрыгиваем лужи. Пока были на станции, прошел дождь, но сейчас снова светит солнце.

У самого села, где подле длинного глинобитного хлева стоит наша «Волга», бурно цветет крапива, и под самой стеной буйствует бурьян. Как мы, мальчишки, любили эти заросшие, таинственные уголки нашей сельщины! И я заглядываю туда. Нынешнее детство тоже любит эти уголки. В бурьяне стоит шалаш, вероятно, «штаб», и даже связь налажена — капроновая жилка бежит куда-то в глубь бурьяна, а рядом с шалашом, под стеною хлева, лежит уже ненужный людям трехлемешный плуг. Деревянные очепья, когда-то отполированные крестьянскими руками, заметно поотрухли. Отслужил свое трехлемешный плуг.

Мы прощаемся с Георгием и уезжаем. А я еще долго вижу его силуэт на краю села. Георгий, как и та болгарская мама, по-крестьянски машет нам рукой, а за его спиною — поле, дорога в мелких стеклышках луж, и у ног — верный Геос. «Гео» — от греческого «Земля», а «с» — «спутник». На всех языках «спутник» — это спутник.

* * *

Он стоит на пьедестале среди пшеничных полей. Первый, пришедший сюда, на землю Болгарии, и поработавший вволю. Как все-таки стремителен прогресс! Кажется, только вчера тракторы «Владимирцы» поднимали целину, тянули борозды на Кубани и Ставропольщине. Пришли они и сюда, в Плевенский округ. Сегодня «Владимирец» стоит на пьедестале, как памятник.

— Очень нам нужны «К-700». Очень! — говорит Герой Социалистического Труда, бригадир полеводческой бригады агропромышленного комплекса «9 сентября» Петр Колев.— Это же прекрасная машина, это — чудо-трактор.— Кивая в сторону «Владимирца» и гладя ладонью его капот, добавляет: — Ой-ой-ей, а на нем, вот именно на нем, сколько я поработал! Хороший конь был. Очень хороший.— И как бы извиняясь перед машиной: — Но теперь все уже другое. Все новое, понимаете, агропромышленный комплекс у нас. Комплекс — это очень крупно, очень. 20 тысяч га посевных площадей. Потому тут «К-700» нужны.— И снова о «Владимирце», как о поработавшем вдосталь и состарившемся коняге: — А этот много, много потрудился. Пусть отдыхает тут, среди полей. Смотрите: ширь-то какая, красота!

Да, красота. Насколько хватает глаз, плещется перед нами золотое поле пшеницы. Ни одна межа не пересекает его. А где-то у самого горизонта ширится темное облако. Там один к одному идут комбайны. Жатва. И вот над полем уже не хлебное пылевое облачко. Над ним висит плотный, прямо-таки физически осязаемый гул. Машины, по-доброму урча, проходят одну загонку за другой. Они плывут в хлебах легко и вместе с тем натужно, могуче. В их движении чувствуется тяжесть литого зерна, текущего в бункера.

— Хорош урожай. Хорош!— Колев берет в руки полный колос.— «Аврора».

Я понимаю, что говорит он о сорте пшеницы, но слышится мне в этом слове и отдается в сердце многое. Очень многое. Да и произносит он его как-то так широко: «Ав-ро-ра».

А навстречу нам плывет ростовская наша «Нива».

— «Аврора» и «Нива» — это здорово.— Колев поднимает большой палец и вдруг твердо говорит по-русски: — Люблю тебя.

Наверное, он хотел сказать, люблю их, но получилось очень точно: люблю тебя, «Нива», «Аврора», жатва, работа. Люблю тебя, Земля! Да иначе и быть не может. Как же не любить родную землю, Родину, Отечество, Болгарию?!

И вспомнился мне тот придорожный крест; ссора развела людей. Давно это было. И не упомнить, сколько лет прошло.

— У меня много друзей, братьев в Советском Союзе.— Колев попрежнему держит в руке полный колос.— Я много раз был вашим гостем.

— Что передать друзьям?

— Передайте привет, дружбу, любовь.— И вдруг крестьянскими лукавинками затеплились глаза: — И еще передайте друзьям в Ростов: жду «Колос».

Ровесница республики Милка Лупанова — оператор реактора атомной электростанции в Козлодуе.

Комбинат «Свилоза»— стройка дружбы.

Плевен. В парке.

Легендарная Шипка.

«Третий семестр» Милчо Лалов, студент Софийского высшего машиностроительного института, проводит за штурвалом комбайна на полях родного села.

Приятно пройтись по улицам Велико-Тырново.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Христо РАДЕВСКИЙ

ТЫ ОТКРЫВАЕШЬ

Когда в лучах обсохнут росы
И птичьи смолкнут голоса,
Цветут поля, цветут леса,
И в парках пламенеют розы.

Где пыль дорожная лежит
И солнце яростное греет,
Цветок таинственный синеет,
Колышется и шепчет: «Жить!..»

Как первой ласточки весной,
Ты ждешь цветенья злаков в поле
И ощутишь вдруг поневоле,
Что прикипел к нему душой.

И в поле колосок любой
Тебя надеждой окрыляет.
И душу радость наполняет,
Когда стоят хлеба стеной.

И каждый цвет и спелый злак
Ты открываешь с удивленьем,
Хранят и жизни вечной знак
И тайное ее рожденье.

Перевел с болгарского
Евгений Антошкин.

Иван КАРАДАЧКИ

БОЙЦЫ

Бойцы умирают от ран.

На плечи их —
Тяжести все испытавшие плечи —
Неслышно спускается
Голубем белым бессмертье.
И выстрел последний
Уже на пороге Победы,
И голубь взлетает.
И вот уже белая стая
Над братской могилой,
Как белое облако, тает.

Бойцы умирают от ран.

Ночами затишья, покоя
Им видится поле —
Последнего страшного боя.
Как пули,
Сердца разрывают любовь
и утраты,
И слышит затишье,
Когда умирают солдаты.

И эхо клокочущей крови
Крылом голубиным забьется,
И к облаку белому
Белая птица прибьется.

Бойцы умирают от ран.

Лиляна СТЕФАНОВА

СТРАНДЖА

Молчание твое
не разгадано мной,
непостижимая
Странджа.
Огнепоклонница странная
пламенных танцев страстных,
клятв и проклятий страшных.

Блеск топора
или молний.
Падают, падают буки.
И над зеленою волей
леса, трубящего бурю,
тучи в рубахах багровых
хоро[1] ведут.

Мчатся в ущельях машины
в вихревом трансе.
День
поднебесья и неба
празднует
Странджа.
А у подножья вершины зоркая
стража —
дуб вековой на посту,
верен он Страндже.

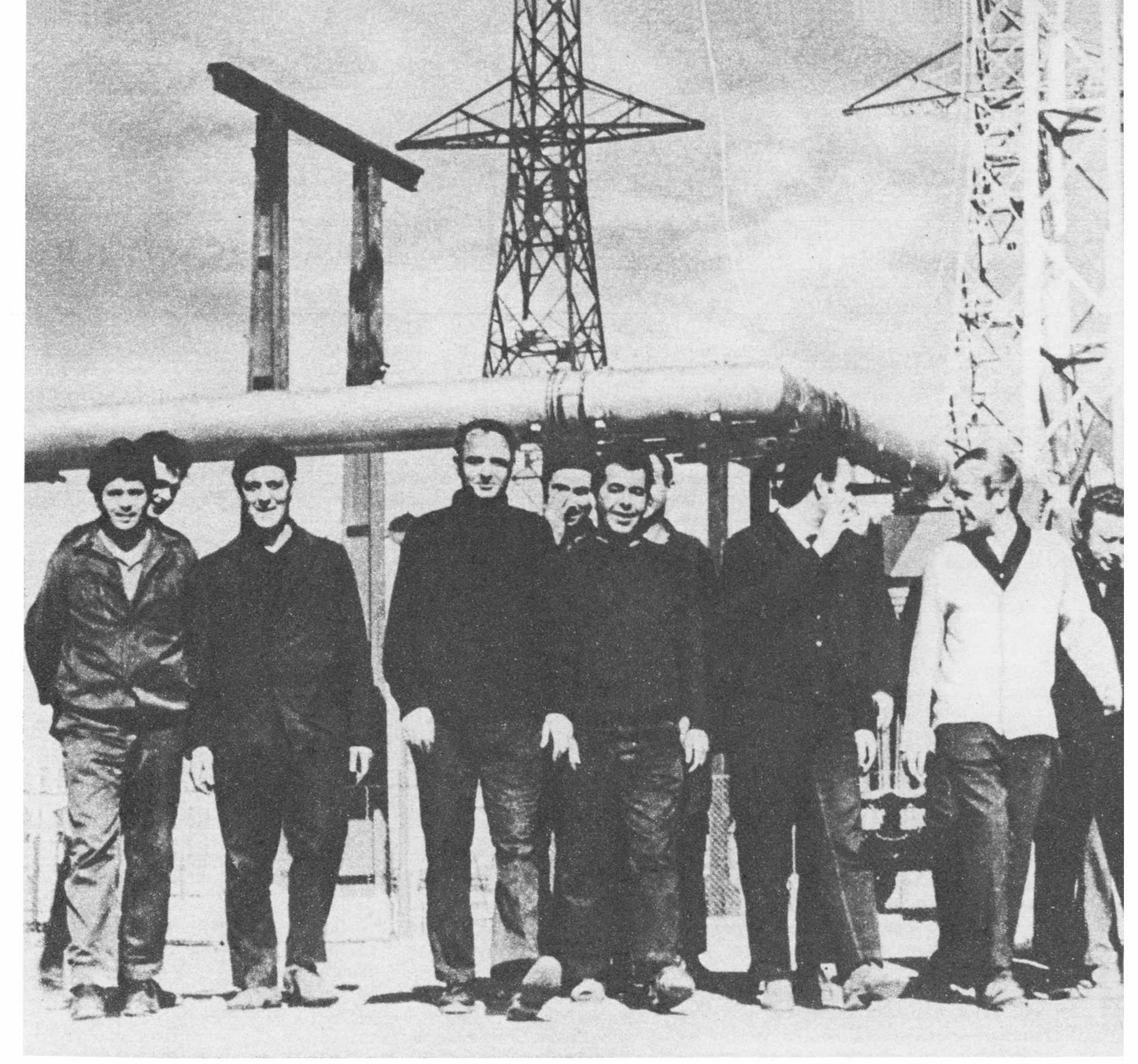
Взрыва раскаты,
и камнепадом
Странджа
оранжевым
хлынула.
Сколько же силы в тебе и огня?
Хватит на всех страждущих.

Я напряженно слушаю,
как гудят твои вены,
как клокочут недра.
Ты страдаешь,
Странджа?
Открой свои клады, Странджа,
вдохни свои силы, Странджа,
в сердце мое и нервы.

Странджа,
врагами и трусами
проклятая.
Кровью народа
политая.

Перевела с болгарского
Людмила ШИКИНА.

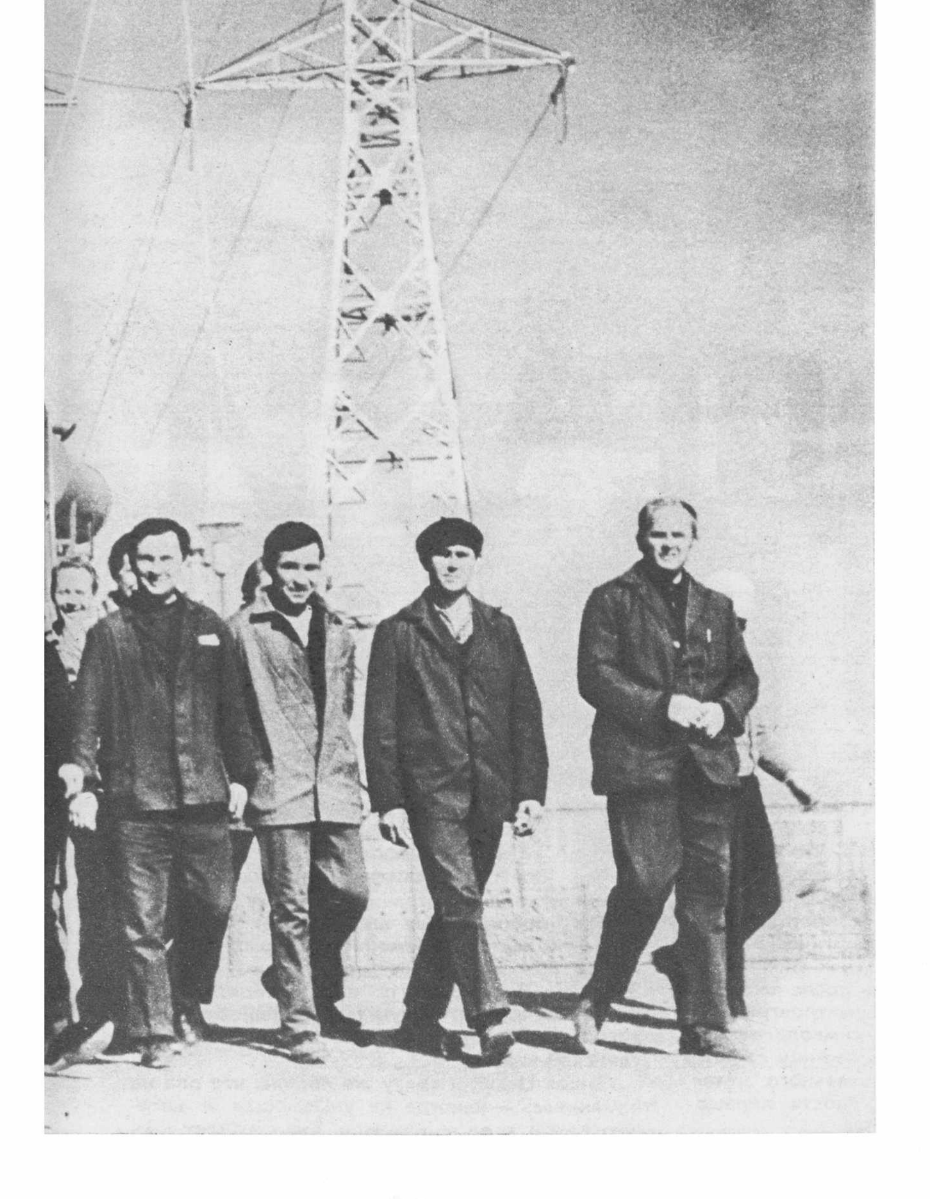
---
[1] Хоро — народный танец.

Советские и болгарские строители первой атомной.

Герой Социалистического Труда Г. Иорданов — бригадир монтажников.

КОЗЛОДУЙ, ПЕРВАЯ АТОМНАЯ

Николай ШТЕРЕВ
Фото автора.

«В 14 часов 49 минут атомная электростанция «Козлодуй» дала ток в энергетическое кольцо Болгарии». «Молния», 17 июля 1974 года, АЭС «Козлодуй».

В календаре у строителей первой атомной много листков с красными датами, много праздников, которые люди отмечали в будние дни и в рабочей одежде.

День, когда приплывшее по Дунаю советское судно «Ташкент» доставило в Козлодуй первый реактор.

Час, когда крановщица Венета Андреева привела в движение 250-тонные краны, чтобы поднять и опустить реактор на его ложе.

Окончание сварки патрубков на 43-й день вместо стодвадцатого, как было предусмотрено ранее.

Почти пятилетние строительные будни первого блока завершились.

Не всякая стройплощадка выглядела столь впечатляюще, как Козлодуйская атомная станция. И тут была изрытая земля, белые облака цемента и горы стальной арматуры, которые потеснили нивы и деревья. Но очень скоро почувствовалась новая красота Козлодуйской долины. Котлованы заполнялись, и от нулевых отметок начали ползти вверх стены корпусов, из громад металла вырастали причудливые кружева, бесспорно, красивые и даже нежные в просветах дунайских туманов. Ветры — морозные и знойные — развеивали пыль, и с высокого поворота дороги можно было увидеть караваны машин и тысячи работающих людей, едва различимых на фоне сооружения, которое они возводили.

Постепенно пестрота стройки превращалась в простые и могучие формы. Сегодня взгляд останавливается на цветниках и газонах, охватывает белые корпуса, сочетающиеся в изящной архитектурной композиции. Сквозь дымку можно различить лес серебристых лестниц, проводов, изоляторов. Теряются у горизонта две новые реки-каналы, которые подводят и отводят дунайскую воду. Толстые бетонные стены поглотили аккуратные кружева металлоконструкций. Сложные приборы застыли в своих гнездах.

Начался «пусковой этап», когда испытывались магистрали, комплексные распределительные устройства, турбины, все сложное хозяйство первой атомной. Этот этап уже пережил и свой главный праздник — пуск.

«Станция начала жить»— это слова Станислава Николаевича Самойлова, главного инженера Нововоронежской АЭС. Он приехал в Козлодуй, чтобы вступить в должность «начальника пуска». Задача была сложной: предстояло убедиться в добротности всего сделанного, руководить дальнейшей работой, решая вновь возникающие проблемы, а главное, обеспечить первый удар вечного пульса первой болгарской атомной электростанции. Задача непосильная для одного человека. В Козлодуе работали советские специалисты — сварщики, монтажники, настройщики, дозиметристы.

Коллектив болгарских и советских рабочих и специалистов производит сильное впечатление — по языку не всегда можно безошибочно различить, кто откуда. Советские мастера включены в наши бригады и говорят по-болгарски соответственно времени, прожитому в Козлодуе, а болгарские рабочие, которые стажировались на Нововоронежской, совершенствуют выученный там русский язык. Отношения более чем дружеские.

Геннадий Павлович Димов, секретарь партийной организации советских специалистов, рассказывает:

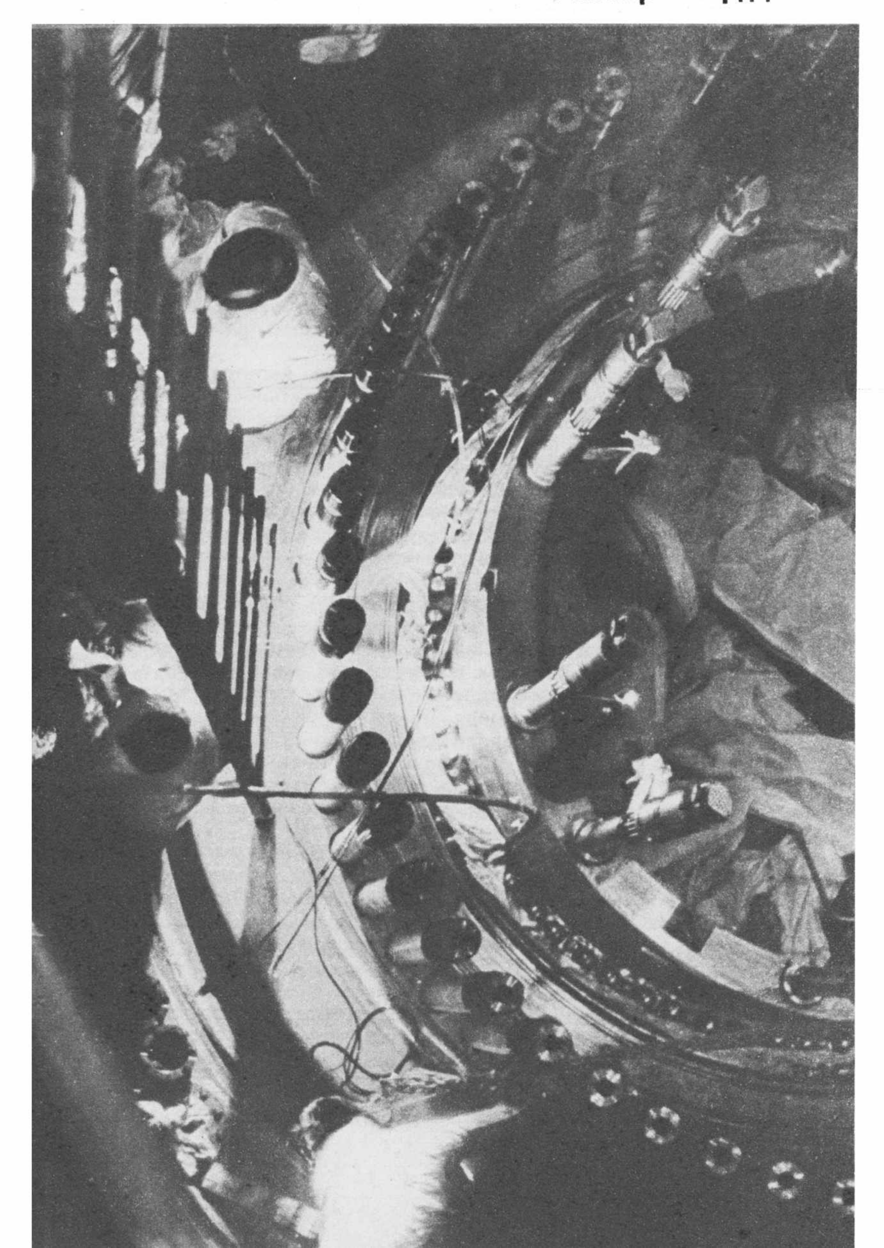
«Коллектив строителей первой атомной — это единая, дружная семья. Население округи да и всей страны проявляет огромный интерес к первенцу болгарской атомной энергетики. Советских специалистов часто приглашают к себе в бригады крестьяне из окрестных сел. Вместе с виноградарями мы работали на подрезке виноградной лозы, не раз были гостями на семейных и народных торжествах. В свою очередь, встречаем болгарских крестьян у нас на станции. Словом, не только вместе работаем, но и живем одной жизнью».

А вот слова главного директора АЭС «Козлодуй» Симеона Рускова:

«Мощная экономика и богатая научная база — кадровая и материальная — необходимы для атомной энергетики. Немного стран в мире имеют опыт в этой области. Трудно переоценить то, что сделал Советский Союз для развития нашей атомной энергетики. Совместное строительство и начавшаяся эксплуатация — школа для наших строителей, монтажников и эксплуатационников. Здесь, в Козлодуе, мы создали прообраз полной интеграции между Советским Союзом и Болгарией».

Козлодуй, июль 1974 года.

Реактор — сердце АЭС.

ДОРОГИЕ ПОДРУГИ

Виргиния ТОПАЛСКА

Автор этих строк Виргиния Топалска в годы минувшей войны была в рядах тех, кто боролся с нашим общим врагом — фашизмом. Она попала в тюрьму. Вместе с ней в заключении находились и другие болгарские патриоты. Многие погибли.

О том, как сложилась судьба бывших узниц Плевенской тюрьмы после освобождения страны Советской Армией, рассказывает болгарская журналистка.

Надзиратель привел в нашу камеру Цену — девятнадцатилетнюю, со светлым лицом и живыми глазами. Она была курьером партизанского отряда. Ее арестовали с чемоданом, набитым листовками и нелегальной литературой. На суд мы проводили ее с тяжелым сердцем (судьба товарищей была и нашей судьбой!). Цена ждала ребенка. Когда ее выводили в коридор, она махнула нам рукой... Как сейчас вижу ее — в белой блузке, улыбающуюся...

Все это припомнилось мне во время встречи с инженером Арсовым, заместителем директора одного из заводов в Плевене. Предприятие это разместилось в бывшем здании тюрьмы. Оказалось, что в конструкторском бюро завода работает молодая женщина-инженер, мать которой томилась в этой тюрьме. Дочь нашей Цены!

Воспоминания, воспоминания, они затопили меня, словно лавина...

Где вы сейчас, дорогие мои подруги? Наверное, у всех у вас, как у Цены, взрослые дети! И у каждой любимая профессия. Надо бы нам снова всем собраться. Вспомнить, как взволнованно декламировала Пенка: «Фернандеса нет, мама, Фернандес убит!..» Или снова всем вместе спеть любимый куплет из «Наталки-Полтавки»: «Эй, Петр, белолицый, черноглазый...» Или затянуть ту, что любила Надка, наша мужественная Надка, которую ожидал смертный приговор: «Приходи, вечор, любимый, приголубь и обогрей...»

Услышав мой голос по телефону, Вера радостно ахнула. Вера — это доктор Бакалова, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук. Она обещала зайти ко мне в тот же день. Я испекла блинчики по-французски, «фирменное блюдо» Николая, моего младшего сына. Правда, от волнения немного их пережарила. Но все равно получилось вкусно.

О себе Вера рассказывала скупо. Все ее мысли были заняты трудом о законах экспериментальной психологии, работу над которым она заканчивала. Вера сетовала, что много лет все ее силы поглощала организационная работа в академии. На научные занятия почти совсем не оставалось времени. Теперь приходится наверстывать...

Маленькая Зизи попала в тюрьму, когда ей было всего пятнадцать лет. Вместе с ней в тюремном фургоне привезли еще около десятка таких же подростков. Вина Зизи и ее товарок по классу состояла в том, что 3 марта — в День освобождения Болгарии от османского ига — они сплели венки и украсили ими бюсты русских генералов в Плевенском музее. Всем им предъявили обвинение в оказании помощи партизанам.

Сейчас Зизи (я долго не знала, что ее полное имя — Зюмбюла) — инженер-химик Зюмбюла Пройнова. С ней мы не виделись целых 20 лет. Тогда она только что возвратилась из Ленинграда, где окончила Технологический институт... В ответ на мой вопрос, как сложилась ее жизнь, Зизи рассказала, что после окончания института направили в Димитровград. В строительство этого города — символа молодости Болгарии — она вложила частицу своего сердца. Была начальником аммиачного цеха. Пережила вместе со всеми радости первых побед.

Пятнадцать лет преподавания в Софийском химическом институте — самые плодотворные годы ее жизни: 25 научных трудов в области минеральных удобрений, несколько свидетельств за оригинальные разработки, ряд физико-химических исследований, доклады в рабочих группах СЭВ, участие в симпозиумах, стажировка на химических заводах в Чехословакии... Все это — свидетельство самоотверженности, полной отдачи любимому делу. И я готова простить нашу милую Зизи за то, что у нее не хватало времени на старых друзей...

Наш разговор, естественно, зашел о детях. Эмил, ее сын, пошел по пути матери: он студент химического факультета Софийского университета, отличник. Дочь Светла учится в английской школе.

Увидев Цвыр, я сразу же поняла, что она не изменилась — никогда не унывающая и веселая, какой я ее и помнила. Вас смущает имя Цвыр? Да, именно такое прозвище дали товарищи в годы далекой молодости Цветане Тодоровой, ныне доктору исторических наук, старшему научному сотруднику Института истории БАН. И нас, старых ее друзей, не пугают все эти титулы — для нас она осталась все такой же Цвыр.

Мы решили, что в такую погоду грешно сидеть в душной квартире, и вышли на улицу. Прогулялись, сходили в Клуб журналистов, вместе пообедали. И дали слово как можно чаще видеться. Но я не очень-то верю ее обещанию. Где ей с ее частыми командировками... (Наша Цвыр — член проблемной группы, занимающейся вопросами внешней политики Болгарии с западными странами.) Сколько раз я ей звонила по телефону и сколько раз мне отвечали, что товарищ Тодорова в отъезде: то в Копенгагене, то еще где-то на международном конгрессе...

Глядя на нее, просто не верится, что в прошлом году ей стукнуло пятьдесят. Откуда в ней столько энергии и как она находит силы на все — участвовать в работе секции «Болгария в эпоху капитализма», заниматься проблемами культурной политики Болгарии, быть членом редколлегии журнала «Этюд историк». Свой юбилей Цвыр отметила выходом книги «Дипломатическая история внешних займов Болгарии — 1878—1912».

С профессором Здравкой Кемилевой мы увиделись за несколько часов до ее отъезда на курорт. Она выглядела немного утомленной, но была все такой же миловидной, все таким же теплым был ее взгляд. Здравка встретила меня по-домашнему — в халатике. Вместе со своей младшей дочерью Вихрой она ловко хозяйничала в своей новой квартире. Из окна открывался вид на Витошу — казалось, стоит протянуть руку, и коснешься ее зеленых склонов...

Здравка — из той части народной интеллигенции, которая влилась в коммунистическое движение по глубокому убеждению. Она активно работала в студенческой революционной организации, пока фашисты не упрятали ее в тюрьму. Случай с нею в то время получил широкую известность: вместе с товарищами по боевой группе, руководителем которой она была, Здравка выслеживала важного гитлеровского офицера. Акция сорвалась. Девушка по-

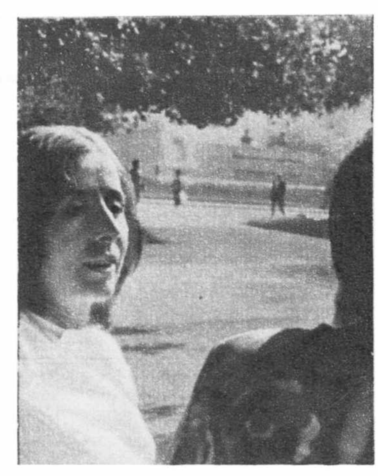
Гусиное перо, образованное латинскими буквами S и P, — эмблема болгарского агентства «София-пресс». Ее можно встретить на обложках журналов «Болгария» и «Наш дом», знакомых советским читателям, на заглавных страницах бюллетеня «По Болгарии», на титульных листах книг. Агентство готовит для органов печати разных стран статьи, очерки, репортажи, фотографии, рассказывающие о жизни Народной Республики Болгарии.

Кандидат в члены ЦК БКП профессор Здравка Кемилева с дочерью, студенткой-медичкой.

Виргиния Топалска — автор этих строк.

Доктор исторических наук Цветана Тодорова, которую мы называли Цвыр.

Инженер-химик Зюмбюла Пройнова, наша Зизи.

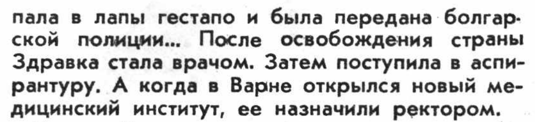
Режиссер Юлия Огнянова.

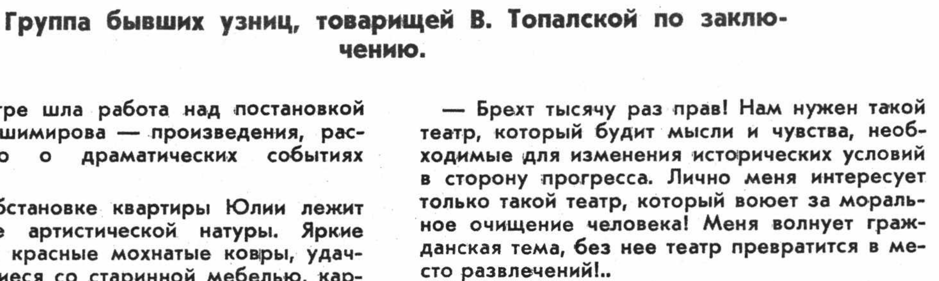

За этими стенами Плевенской тюрьмы томились болгарские патриоты, борцы против фашизма.

Группа бывших узниц, товарищей В. Топалской по заключению.

пала в лапы гестапо и была передана болгарской полиции... После освобождения страны Здравка стала врачом. Затем поступила в аспирантуру. А когда в Варне открылся новый медицинский институт, ее назначили ректором.

Теперь Здравка — профессор, доктор медицинских наук, возглавляет кафедру патофизиологии Медицинской академии в Софии, председатель профсоюза медицинских работников, кандидат в члены ЦК БКП.

На мой вопрос, над чем она сейчас работает, Здравка ответила, что ее занимают проблемы аллергических заболеваний, и в частности влияние вилочковой железы на ревматические заболевания. Много сил отдает Здравка работе в профсоюзе, стараясь улучшить условия труда и жизни медицинских работников.

Я пожелала ей хорошо провести отпуск, а она обещала мне по возвращении помочь организовать юбилейную встречу...

В нашей камере Юлия Огнянова пользовалась особой любовью. Эта смуглая девушка обладала даром привлекать к себе сердца.

Свидание с Юлией было коротким — ей предстояло срочно выехать в Пловдив: в кукольном театре шла работа над постановкой «Хоро» Страшимирова — произведения, рассказывающего о драматических событиях 1923 года...

На всей обстановке квартиры Юлии лежит отпечаток ее артистической натуры. Яркие оранжевые и красные мохнатые ковры, удачно сочетающиеся со старинной мебелью, картины, афиши... и множество интересных и забавных вещичек — подарков друзей — с шутливыми надписями и добрыми пожеланиями.

Первой ее постановкой была «Матушка Кураж».

— Каждый начинающий режиссер переживает период, когда он жадно поглощает чужой опыт, пытаясь таким способом найти себя. Творческая зрелость приходит гораздо позже, и только тогда начинаешь говорить от собственного имени,— вспоминает Юлия начало своего пути.

«Матушка Кураж» помогла молодому режиссеру обрести в театральных кругах славу новатора. Хотя лично ей эти слова не совсем по душе.

— Брехт тысячу раз прав! Нам нужен такой театр, который будит мысли и чувства, необходимые для изменения исторических условий в сторону прогресса. Лично меня интересует только такой театр, который воюет за моральное очищение человека! Меня волнует гражданская тема, без нее театр превратится в место развлечений!..

Слушая Юлию, я вспоминаю ее постановки, которые видели зрители Польши, Венгрии, СССР, Румынии, Югославии.

У Юлии есть друзья и в Италии. Там, в центре итальянского Сопротивления фашизму, в городе Реджо-Эмилия, она поставила пьесу итальянского драматурга, актера и режиссера Ауро Фронзони «Рейхстаг горит». Спектакль, по оценке прессы, превратился в яркую манифестацию интернациональной дружбы.

Но мы увлеклись. Юлии нужно было спешить на поезд. Ее ждала дорога...

Нескончаемая дорога, которой все мы шли эти годы.

Агентство «София-пресс»
специально для «Огонька»

Совет да любовь!

В Габрове нам предстояло провести всего один день. Мы заранее сокрушались, как это мало для первого свидания со столицей юмора, городом ста памятников, городом прославленных мастеров, умельцев и выдумщиков.

И, конечно, не терпелось самим убедиться, так ли уж бережливы и скупы настоящие габровцы, как гласят о том бесчисленные анекдоты.

Признаемся сразу: скупости и бережливости обитателей этого легендарного города мы так и не познали. Но зато ощутили щедрость души и сердца габровцев, их мудрую доброту и способность делать людей счастливыми.

Воскресным утром нас разбудили звуки музыки, доносившиеся с улицы в гостиничный номер. Скорей к окну! Вся мостовая запружена праздничной толпой. У каждого через плечо — белое полотенце, а на груди, на сложенном ромбиком узорном платочке, приколот цветок. Во главе процессии — барабанщик, аккордеонист и скрипач. В бешеном ритме зажигательного хоро кружатся танцоры. Сверху они похожи на пляшущий венок. А за музыкантами медленно и торжественно движутся жених и невеста.

Что есть духу вниз по лестнице: разве можно удержаться от искушения поприсутствовать на габровской свадьбе! Нас провожают недоуменными взглядами. «Чудаки! Куда торопитесь? Ведь воскресенье в нашем городе — день свадеб. На эту опоздаете, на десяток других поспеете!»

И верно. У здания городского совета, куда чинно входили женихи и невесты, чтобы выйти оттуда уже официальными молодоженами, этого желанного превращения ожидали три свадебных шествия.

Про габровцев говорят, будто они танцуют хоро в домашних тапочках, чтобы слышать музыку из соседнего города Севлиево. Ничего подобного! Музыку с площади, где кипели сразу три свадьбы, было слышно во всей округе. И никто не экономил на тапочках. Толстенные подошвы — «платформы» едва выдерживали бешеный накал пляски.

А другая байка про габровцев подтвердилась полностью. Говорят, если габровцы женятся, то на тоненьких девушках — такая жена и места в доме будет занимать немного, и ситца ей на платье пойдет меньше. Сейчас, правда, вместо ситца синтетика, а в остальном все именно так — все невесты были стройными и красивыми, как Цветанка Иванова, которая в этот день стала женой Стефана Иосифова.

Сразу после свадьбы мы попали на крестины. Само это слово воскрешает в памяти далекое-далекое воспоминание.

Наша школа была построена на месте церкви, в которой меня крестили, естественно, по настоянию бабушки. Провожая меня на занятия, она каждый раз вспоминала об этом и долго сокрушалась, что не стало таких красивых обрядов, как венчание или крестины.

Много воды утекло с тех пор. Много новых обрядов появилось в нашей жизни. Одни привились, другие не совсем. И не прекращаются на страницах газет разговоры о том, как лучше отмечать самые важные, самые торжественные события в жизни человека, что бы еще такое придумать, изобрести в этом деле.

О габровцах рассказывают, что когда где-то лишь замышляют что-нибудь, они уже делают это «что-нибудь» у себя в Габрове. В справедливости такого утверждения мы убедились солнечным воскресным днем, когда пришли в городской Дворец культуры.

Право, не знаю, как точнее назвать этот обряд. «Напишите: советские крестины»,— посоветовала наша переводчица Христя. Пожалуй, действительно так можно назвать торжественную церемонию, когда ребенку дается имя. До этого, как и у нас, родители получают все положенные официальные бумаги, связанные с появлением малыша на свет. А потом город торжественно справляет «крестины» каждого своего нового гражданина.

В то воскресенье таких праздников было 18.

...Мы вошли во Дворец культуры, когда все участники очередной церемонии были уже в сборе. На помост вышла красивая молодая женщина в длинном красном платье с трехцветной, как государственный флаг, лентой через плечо — Иванка Максимова. Ее поэтическая должность официально называется так — инспектор по гражданскому ритуалу при городском совете.

Кто-то включил магнитофон, и под знакомые звуки «Летите, голуби, летите!» две мамы — одна с сыном, другая с дочкой — заняли места в креслах. Вперед вышла маленькая девочка — первоклассница и с сознанием серьезности и ответственности порученного ей дела прочитала стихи, обращенные к виновникам торжества. А потом Иванка Максимова произнесла небольшую речь. И, наконец, были сказаны самые главные слова:

«Девочке дается имя Весела, а мальчику — Илия». Магнитофон заиграл государственный гимн. Все поднялись. «Крестные мамы» — да, да, так полагается и по новому ритуалу — поднесли своих крестников к Иванке, и она надела им медальоны с гербом города Габрова, а родителям вручила красивые синие папочки. В каждой из них три письма. На первом конверте напечатано: «Откроешь, когда станешь учеником». На втором — «Откроешь, когда станешь пионером». На третьем — «Откроешь, когда станешь комсомольцем». После этого вперед вышли бабушки — типичные болгарские бабушки в туго повязанных черных платочках, с громадными, залитыми медом пирогами в руках. Пироги эти были похожи на покрытую лаком золотую мостовую. И возле каждого лежал зеленый листочек с округлыми зубчатыми краями.

«Я желаю, чтобы ваши дети были так же нужны людям, как нужен хлеб, и трудолюбивы, как пчелы, которые сделали этот мед» — с этими словами Иванка отломила кусочек пирога. И тут снова включили магнитофон. Знакомая мелодия «Пусть всегда будет солнце» заполнила зал. Бабушки двинулись в обход со своими пирогами. И когда очередь дошла до меня, я спросила:

— А что это за листочек?

— Эта трава называется здравица,— ответили мне.— Она приносит счастье.

Н. КРЫЛОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Воскресенье — день свадеб и крестин.

РОВСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Иванка Максимова: «Девочке дается имя Весела, а мальчику — Илия».

Бабушкин пирог.

В последний раз он был в Москве совсем недавно — в мае и июне вместе с миланским театром «Ла Скала». Перед спектаклем я зашел к нему в артистическую и спросил шутя: «Ну как, страшно?» «Нет, я же у себя дома,— ответил Николай Гяуров.— Я учился в Москве, первые мои спектакли были в Москве. Со сцены Большого театра начался мой путь в искусство!»

Александр АБАДЖИЕВ

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Без победы социалистической революции не было бы Гяурова. Мальчик из бедной семьи маленького города Лыждене (ныне Велинград), что в Родопских горах, на юге Болгарии, работал каждое лето, чтобы собрать деньги на учебники и тетради. А «лишние» деньги клал в особую копилку — мечтал купить скрипку. Коля обожал музыку. Эту любовь привил ему учитель Ангел Герин. И не только музыке учил он мальчика. От него Николай услышал слова: «Фашистам не одолеть Россию!»

На броне советских танков пришла свобода, за которую сражались и болгарские партизаны. Коле так и не удалось купить скрипку. На деньги из копилки приобрели продукты и медикаменты для партизанского отряда, в котором воевал брат мальчика.

После освобождения страны Николай поступил учиться на артиллериста. В училище сразу заметили, что у парня красивый голос. «Спой, «капитан»,— просили товарищи и командиры». И он пел, а капитаном называли его потому, что он очень любил напевать: «Жил отважный капитан, он объездил много стран...»

«Капитан» руководил хором, выступал на концертах. Первой его арией была ария Ивана Сусанина. Парня услышали специалисты и посоветовали серьезно учиться пению. Он не раздумывал, к кому пойти: конечно, к замечательному болгарскому певцу и педагогу Христо Брымбарову! Дни, месяцы, годы упорной работы.

Однажды я спросил у Гяурова, какой самый радостный день в его жизни. «День, когда я узнал, что еду учиться в Советский Союз!»

Год Николай учится в Ленинграде, потом переезжает в Москву, где занимается у профессора Александра Батурина и у профессора Розы Яковлевны Альперт-Хасиной. Уроками он считает также спектакли Большого театра, которые посещает почти каждый вечер. Еще на первом курсе Гяуров выступает в студенческом концерте в Колонном зале. Выступает и в других концертах, и москвичи уже знают, что в их городе учится одаренный певец из дружеской Болгарии. В Софии же его мало кто знает. Пока!

Николай Гяуров с дочкой Еленой.

1955 год. Николай заканчивает Московскую консерваторию и получает диплом. Приходит пора расставания с Москвой. Потом Гяуров скажет:

— Иногда меня называют Гяуровым из «Ла Скала». Театр в Милане много дал мне, но ничуть не больше того, что я получил от советской музыкальной культуры. Именно она открыла мне путь к высотам искусства. Гяуров из «Ла Скала»— это Гяуров — воспитанник Московской консерватории!

Золотая медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве, «Гран-при» вокального конкурса в Париже. Потом его услышали на родине — в концертах, в «Севильском цирюльнике». И опять Гяуров едет в Москву, в Большой театр. Здесь он одновременно и ученик и желанный гость. Он готовит партии с такими режиссерами, как Баратов и Покровский, поет в спектаклях под руководством Александра Мелик-Пашаева и Бориса Хайкина, его партнеры — Вера Фирсова, Ирина Архипова, Иван Петров...

А потом его ожидают самые известные театры мира. 20 февраля 1960 года в партии Варлаама болгарский певец вместе с двумя своими соотечественниками — Борисом Христовым и Димитром Узуновым — дебютирует на сцене «Ла Скала». Успех огромен. Сразу следуют ангажементы на несколько сезонов вперед.

В газетах разных стран блестящие рецензии. Его сравнивают с Шаляпиным. Потом о Гяурове пишут уже как о Гяурове. Он сам становится эталоном для сравнения.

В 1964 году Николай Гяуров уже был народным артистом Болгарии, лауреатом Димитровской премии, лауреатом международных конкурсов. 1964 год принес ему приз «Орфей» Французской национальной академии за лучшее достижение года в оперном искусстве. Затем почетную медаль «Иллика» в Вероне и медаль Пьетро Масканьи.

Следующий год — год Бориса Годунова. Давно присматривается Гяуров к этой труднейшей партии. В «Борисе Годунове» он уже спел Пимена и Варлаама. Теперь поет партию царя. Это происходит в Зальцбурге, где шедевр Мусоргского поставил Герберт фон Караян.

Успех постановки и самого Гяурова необычайный.

Гяуров затем пел Бориса и в Софии и на других сценах. С особой ответственностью он готовился показать эту роль на сцене Большого театра и был очень счастлив, когда публика, коллеги и критика тепло приняли его.

— У меня много друзей среди советских исполнителей,— говорит Гяуров.— Из молодых я высоко ценю талант Владимира Атлантова и Евгения Нестеренко. Совершенно особое у меня отношение к Борису Александровичу Покровскому, народному артисту СССР. Именно он стал моим учителем в области режиссуры. У него я научился читать внутреннюю драматургию оперных произведений и ролей. Я сердечно благодарен Борису Александровичу, своим педагогам в Московской консерватории, коллегам в Большом театре.

Выражением этой благодарности является и активная деятельность Гяурова по пропаганде русской и советской музыки. Он исполняет центральные партии в операх, со многих его пластинок звучат произведения русских и советских авторов.

Певец снова выступит в Москве в дни, когда в Советском Союзе будет проходить демонстрация достижений болгарской культуры за тридцать лет народной власти. Без этих тридцати шагов к новой жизни не было бы сегодня и певца Николая Гяурова!

Как-то раз в одном западном журнале его назвали «гордым болгарином».

— Как понимать эти слова?— спросил я певца.

— Они верны, но совсем не означают, что я гордец. Я горд успехами своей страны, своего народа за годы после победы социалистической революции!

Елисавета БАГРЯНА

СЕРДЦЕ

Через тебя высоким напряженьем проходит
кровь моя,
и резкие изломы диаграмм
рисуют жизнь мою и вдохновенье.

Стучишь ты безотказно, пробиваясь
по каменистым и крутым откосам
дорог моих,
передавая учащенный ритм
стихам моим.

Ты яд и горечь поглощаешь, сердце,
которые я пью.
Как чудотворец, что воде в вино
повелевал когда-то превратиться,
ты превращаешь горечи той яд
в поэзию.

Ты борешься упорно
с половодьем и отмелью любви
и к берегу спасенья моего
меня всегда приводишь —
к вдохновенью.

Ты холодеешь
Перед злом, уродством,
неудержимо бьешься, обнажая
себя пред красотой и добротой.
Тебя волнуют
голоса тревог и радостей,
людского океана гул, как раковина,
ты в себе несешь...

Болгария — мое живое сердце.
Другого никогда не пожелаю,
и если б мне дало оно бессмертье...

Бей, отбивай последний свой удар,
и пусть тогда мы вместе отдохнем,
пусть мы уснем,
мое родное сердце.

Перевела с болгарского
Людмила ШИКИНА.

Златю Бояджиев. ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.

Златю Бояджиев. СВАДЬБА.

СЕЛО БРЕЗОВО.

ПЕРВОКЛАССНАЯ ПАРТИЯ

ШАХМАТЫ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Любители шахмат во всем мире пытаются найти ответ на один вопрос: Фишер будет играть? Фишер не будет играть? Положение неясно: чемпион мира вместо того, чтобы играть в шахматы, ведет острую... бумажную игру с ФИДЕ. Чемпион мира среди мужчин капризен, как женщина. Но эта шаблонная сентенция не имеет никакого отношения к чемпионке мира среди женщин. Нона Гаприндашвили уже 12 лет уверенно, без всяких капризов, занимает место в кресле шахматной королевы. Нона Гаприндашвили — шахматистка экстра-класса. Она всей душой предана шахматам, и по энергичному, острому и изящному стилю игры ее называют «женским Талем». И пока идет спор среди претенденток, кому вызывать Нону на очередной матч, сама Нона приняла участие в мужском турнире в Дортмунде (ФРГ).

Одиннадцать мужчин — и одна женщина! Турнир начался 3 мая, и бургомистр Дортмунда в этот день с букетом из 33 роз поздравил с днем рождения чемпионку мира, а сама Нона преподнесла себе еще более приятный сувенир: Нону не сумел победить ни один из 11 партнеров. Чемпионка мира заняла второе место, набрав всего на пол-очка меньше, чем победитель турнира, известнейший венгерский гроссмейстер Ласло Сабо.

Но дело не только в спортивном успехе Ноны на этом турнире. Она, несомненно, получила громадное творческое удовлетворение, ибо ей удалось сыграть партию, которая войдет в золотой фонд шахматных шедевров.

В Лондоне в 1851 году была сыграна знаменитая партия А. Андерсен — Л. Кизерицкий. Ее по праву считают «бессмертной партией». С тех пор прошло 123 года! И вот в Дортмунде Ноне Гаприндашвили удалось создать настоящее шахматное произведение, которое нельзя назвать иначе, как бессмертным.

Судите сами.

Н. Гаприндашвили — Р. Сервати.

1. e2—e4 c7—c5
2. Кg1—f3 Кb8—c6
3. d2—d4 c5:d4
4. Кf3:d4 g7—g6
5. c2—c4 Сf8—g7
6. Сc1—e3 Кg8—f6
7. Кb1—c3 Кf6—g4
8. Фd1:g4 Кc6:d4
9. Фg4—d1 e7—e5
10. Кc3—b5 0—0
11. Сf1—e2 Фd8—h4

Неудачная экскурсия. Правильно было 11...К:b5 12. cb d6.

Но известно, что если противник будет делать лучшие ходы, то... нельзя создать бессмертную партию. Ведь противник Андерсена тоже немного «помог» Андерсену.

12. Кb5:d4 e5:d4
13. Сe3:d4 Фh4:e4
14. Сd4:g7 Фe4:g2

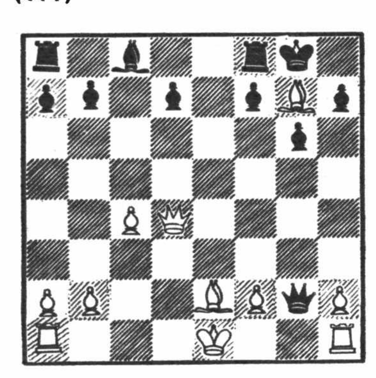
Немецкий мастер обрадовался: вероятно, Нона «зевнула», подумал Сервати. Он только видел, что в случае 15. Сf3 Лe8+ выигрывают черные.

Но немецкого шахматиста ждал неприятный сюрприз.

15. Фd1 — d4!! ...

Изумительный по красоте ход, а точнее, начало далеко рассчитанной комбинации.

Сервати
(ФРГ)

Гаприндашвили
(СССР)

15... Фg2:h1+

Кто сказал «а», должен сказать и «б», но в данном случае не поможет ни «а», ни «б».

16. Крe1—d2 Фh1:a1

«Приятного аппетита!» — подумала Нона. Ее партнер и теперь еще не понял, почему Нона так щедро отдает ему обе ладьи. Любопытно, что в партии Андерсен — Кизерицкий черные также приобрели большой материальный перевес, но получили мат. Анализ после партии убедил Сервати, что напрасно он взял вторую ладью на a1 и что лучше было 16...Фc6 или 16...Ф:h2. Но и в этом случае Нона ему показала бы, что его позиция проиграна, правда, без фейерверка.

17. Фd4 — f6!! ...

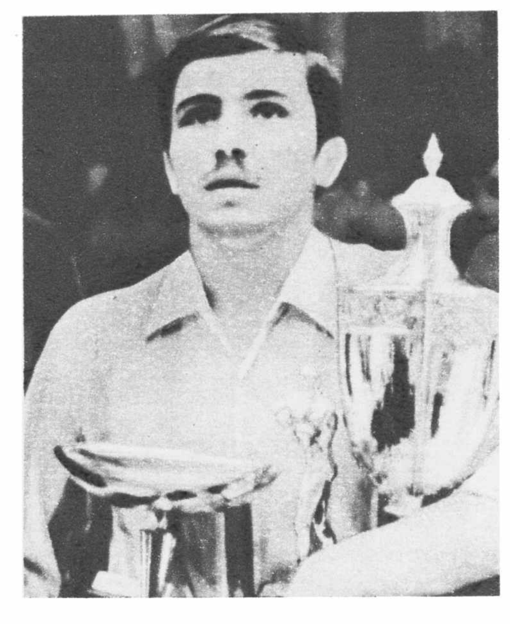
Этот тихий ход страшной силы является заключительным аккордом комбинации чемпионки мира. От угрозы 18. Сh6 нет защиты. Поэтому черные сдались.

Так играет женщина! Так играет Нона Гаприндашвили.

Для того, чтобы читатели «Огонька» сумели сравнить произведение Ноны Гаприндашвили с известной партией Андерсен — Кизерицкий, мы приводим текст этой партии.

А. Андерсен — Л. Кизерицкий

1. e2—e4 e7—e5 2. f2—f4 e5:f4. 3. Сf1—c4 Фd8—h4+ 4. Крe1—f1 b7—b5 5. Сc4:b5 Кg8—f6 6. Кg1—f3 Фh4—h6 7. d2—d3 Кf6—h5 8. Кf3—h4 Фh6—g5 9. Кh4—f5 c7—c6 10. g2—g4 Кh5—f6 11. Лh1—g1 c6:b5 12. h2—h4 Фg5—g6 13. h4—h5 Фg6—g5 14. Фd1—f3 Кf6—g8 15. Сc1:f4 Фg5—f6 16. Кb1—c3 Сf8—c5 17. Кc3—d5 Фf6:b2 18. Сf4—d6 Сc5:g1 19. e4—e5 Фb2:a1+ 20. Крf1—e2 Кb8—a6 21. Кf5:g7+ Крe8—d8 22. Фf3—f6+ Кg8:f6 23. Сd6—e7 мат.

Чемпион мира Василий Соломин получил специальный приз как самый техничный спортсмен и Кубок президента международной ассоциации любительского бокса.

ГЕРОИ РИНГА

Боксеры легкого и второго среднего веса — Василий Соломин и Руфат Рискиев — стали героями гаванского ринга: они привезли с первого чемпионата мира высшие награды — золотые медали.

Для того, чтобы добиться такого успеха, Соломину и Рискиеву пришлось пройти суровую проверку боем. Один победил венгра А. Ботоша — призера мюнхенской Олимпиады, досрочно закончил бой с боксером из ФРГ П. Хессом и в полуфинале выиграл у очень сильного кубинца Л. Эчайде. Другой свой первый бой с канадцем С. Виллиамсоном закончил нокаутом, затем выиграл у болгарина А. Янакиева и аргентинца Р. Арсе, а в полуфинале нокаутировал боксера ГДР Б. Виттенбурга.

И вот финальные бои.

Василий Соломин встретился с румынским боксером Симеоном Куцевым, которому уступил победу на прошлогоднем белградском чемпионате Европы. Боксеры прекрасно знают друг друга, и каждый из них достоин подняться на первую ступеньку пьедестала почета. При таких предпосылках встреча должна была сложиться исключительно напряженно, и только ценой огромных усилий в третьем раунде Соломину удалось вырвать победу.

Руфат Рискиев также встретился с румынским спортсменом — Алеком Нэстаком, одним из лучших европейских мастеров кожаной перчатки, двукратным финалистом первенств Европы, и добился успеха в исключительно трудном поединке.

Восемь советских спортсменов получили право выступать в полуфинале, четверо вышли в финал, и только двум удалось пройти весь долгий путь без поражений.

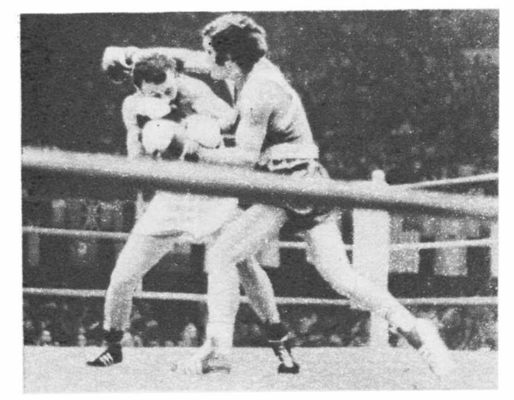
К золоту Соломина и Рискиева свое серебро прибавили Борис Кузнецов и Олег Коротаев, а Е. Юдин, В. Засыпко, Д. Торосян и А. Климанов — бронзу.

Наибольшего успеха добились на чемпионате мира спортсмены Кубы — пять золотых медалей.

Я. КАТИН

Руфат Рискиев (слева) и Алек Нэстак в борьбе за золотую медаль.

Фото АДН — ТАСС.

АЙ ДА ВЕТЕРАНЫ!

На чемпионате Европы по водным видам спорта в Вене два советских пловца, Николай Панкин и Александр Самсонов, завоевали золотые медали. Первый проплыл сто метров брассом за 1 минуту, 5,63 секунды, второй — первым финишировал на дистанции 400 метров кролем за 4 минуты 2,11 секунды.

Плавание молодеет с каждым годом, и на чемпионате Европы в Вене пятнадцатилетние спортсменки из ГДР чуть ли не каждый день устанавливали мировые рекорды. Да и что в этом удивительного: ведь для пловца пятнадцать лет — это уже почти возраст ветерана. Все настойчивее раздаются теперь призывы учить младенцев плавать раньше, чем они научатся ходить. И это не фантазия: грудных младенцев действительно учат плавать, и притом успешно. Но как же выглядят на этом юном фоне действительные ветераны? Допускают ли их еще на стартовые тумбочки? К счастью, допускают! К счастью, потому что в Вене именно два наших ветерана и завоевали золотые медали.

Николаю Панкину двадцать пять лет, в этом году он окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Последние его успехи были связаны с победой на чемпионате Европы 1970 года, а затем он стал проигрывать молодому брасситу Михаилу Хрюкину. Многим казалось, что Панкину пора сходить, но в нынешнем сезоне ветеран сумел победить Хрюкина, получив право на выступление в Вене, и вот завоевал там золотую медаль.

Александр Самсонов тоже в годах, он учится на факультете журналистики МГУ и уже пятнадцать лет выступает на водных дорожках. В восемь лет пришел Саша в бассейн, в четырнадцать выполнил норму мастера спорта. А затем началась цепь неудач, Самсонов плохо выступил на мюнхенской Олимпиаде, и все же сумел доказать, что еще есть порох в пороховнице. Вот как неправильно торопить уход ветеранов. А у нас еще не перевелись такие нетерпеливые тренеры.

В. ВИКТОРОВ

ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ

въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

въ четвергъ, 14 апрѣля 1860 года,

въ домѣ г-жи Руадзе, на углу Большой Морской и Кирпичнаго Переулка (входъ съ Мойки)

РЕВИЗОРЪ,

комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Н. В. Гоголя

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Городничій	А. Ѳ. Писемскій.
Анна Андреевна, жена его	Н. С. Конн.
Марья Антоновна, дочь ихъ	Е. К. Макримская.
Хлоповъ, смотритель училищъ	А. Г. Витковскій.
Жена его	Е. Н. Молахова.
Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья	В. Ѳ. Пантютинъ.
Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній	В. А. Ивановъ.
Шпекинъ, почтмейстеръ	Ѳ. М. Достоевскій.
Добчинскій, помѣщикъ	В. Н. Аничковъ.
Бобчинскій, помѣщикъ	Н. Н. Ознобишинъ.
Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга	П. И. Вейнбергъ.
Осипъ, слуга его	Е. П. Ловягинъ.
Гибнеръ, докторъ	М. П. Устиновъ.
Растаковскій, отставной секундъ-маіоръ	А. М. Политаевъ.
Коробкинъ, житель города	А. Н. Михайловъ.
Люлюковъ	Н. А. Жуковъ.
Уховертовъ, частный приставъ	А. М. Политаевъ.
Свистуновъ, квартальный	М. А. Хитунъ.
Держиморда, квартальный	А. П. Синтинъ.
Абдулинъ, купецъ	А. Н. Островскій.
Купцы	Н. С. Тургеневъ. А. А. Краевскій. Д. В. Григоровичъ. А. Н. Майковъ. А. В. Дружининъ. В. С. Курочкинъ.
Пошлепкина, слесарша	. . .
Мишка, слуга городничаго	С. Н. Степановъ.
Слуга трактирный	В. П. Савельевъ.
Жандармъ	М. А. Хитунъ.

НАЧАЛО ВЪ 7½ ЧАСОВЪ НЕПРЕМѢННО

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 12 Апрѣля 1860 года.
Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Графъ Шувалов.

Въ типографіи Н. И. Глазунова и Комп.

Афиша первого спектакля первого русского Литфонда.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД СССР

Н. ЕЛИНСОН, директор Литфонда СССР, заслуженный работник культуры РСФСР

Сорок лет назад Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление образовать при Союзе советских писателей Литературный фонд Союза ССР.

О такой общественной организации, призванной содействовать развитию литературы и помогать писателям в их работе, мечтали виднейшие деятели отечественной литературы.

2 января 1857 года Лев Николаевич Толстой отметил в своем дневнике, что побывал у Дружинина «и у него написали проэкт фонда». В 1859 году по инициативе Л. Н. Толстого и А. В. Дружинина в России было создано «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым». В Петербурге состоялось первое собрание его учредителей. Присутствовало 35 человек, среди них такие писатели, как А. Н. Майков, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский. На этом собрании был утвержден первый устав общества и избран распорядительный комитет.

Это были времена, когда интересы писателя ничем не защищались. Он зависел от произвола издателя, порой труды писателя скупались за бесценок еще в процессе работы над ними. Так, издатель Ф. Стелловский приобретал романы Достоевского в то время, когда писатель как раз особенно нуждался.

Литфонд существовал тогда как организация, основанная на взаимопомощи. Писатели устраивали в пользу фонда спектакли, концерты, где сами читали отрывки из произведений. Нередко в концертах бесплатно принимали участие крупнейшие актеры, такие, как М. Н. Ермолова, М. Г. Савина и другие. Одним из источников фонда были также средства, завещанные в его пользу. Из фонда выделялись ссуды и единовременные пособия наиболее нуждающимся писателям, членам их семей. Именно Литфонд не раз помогал Достоевскому, давал средства на лечение смертельно больного Надсона, помог в 1897 году больному Горькому.

В 1934 году был создан Союз советских писателей, 40-летие которого в эти дни отмечается в нашей стране. Одновременно был образован и Литературный фонд СССР. Первым председателем его правления был избран Всеволод Иванов.

Главной задачей нашей организации является оказание помощи творческой деятельности писателей. Вот почему с самого начала своей работы Литфонд СССР немало сделал по созданию домов творчества. Уже в 1935 году открылся дачный городок писателей в Переделкине под Москвой. Немало прекрасных книг создано здесь А. Фадеевым, К. Фединым, Л. Леоновым, Н. Тихоновым, А. Малышкиным, Л. Сейфуллиной, К. Треневым и многими другими выдающимися советскими писателями. Большую популярность завоевал восстановленный, а точнее, созданный заново — в войну он был сожжен — дом творчества в Малеевке, который расположен в Подмосковье, в районе Рузы. Здесь работали А. Толстой, А. Серафимович, С. Сергеев-Ценский, В. Вересаев и другие. В Малеевке в декабре 1934 года были организованы первые Всесоюзные курсы комсомольских писателей, созданные по инициативе Союза писателей СССР и ЦК ВЛКСМ. В последующие годы совещания молодых литераторов в домах творчества Литфонда стали традиционными.

В довоенные годы Литфонд начал помогать активно работающим писателям, развернул строительство жилых домов и организацию клубов для писателей в союзных республиках. Расширяя свою деятельность, уже в конце 1940 года Литфонд имел 11 республиканских отделений.

В период Великой Отечественной войны Литфонд, кроме повседневной заботы о писателях, проводил эвакуацию писательских семей, организовывал детские дома и интернаты, выдавал пособия семьям ушедших в народное ополчение, семьям фронтовиков. В интернат Литфонда были приняты дети писателей, оставшиеся сиротами.

В послевоенные годы в работе правления Литфонда принимали деятельное участие К. Федин, Л. Леонов, К. Тренев, С. Маршак, Б. Ромашов, А. Твардовский, В. Шишков, А. Софронов, Е. Долматовский, В. Тевекелян, Н. Томан и другие писатели. В пятидесятые годы Литфонд начал проводить мероприятия по организации юбилеев классиков русской литературы и литератур народов СССР, советских и зарубежных писателей. Литфонд выделял средства на проведение литературных конкурсов, писательских семинаров. Решения по этим вопросам принимались секретариатом СП СССР, практические мероприятия осуществлял Литфонд.

Еще до окончания Отечественной войны Литфонд начал восстанавливать свое хозяйство и изыскивать возможности для строительства новых домов творчества.

В 1946 году по предложению А. Фадеева были увеличены средства, отпускаемые на творчес-

Дом творчества имени А. Серафимовича в Малеевке.

кие командировки писателей. Эта важная сторона деятельности Литфонда в наши дни приобрела широкий размах. Писатели выезжают на новостройки, в колхозы — туда, где трудятся и живут советские люди. Собранный материал способствует созданию интересных произведений на современную тему.

Литфонд оказывает индивидуальную помощь писателям, особенно активно работающим. Она носит самый разнообразный характер: выдаются возвратные ссуды, пособия по случаю болезни; писателям, нуждающимся в лечении, предоставляются путевки в санатории (большую помощь в этом мы получаем от ВЦСПС). Литфонд постоянно заботится о ветеранах литературы и писателях — инвалидах Отечественной войны, оказывая им в первую очередь материальную и иную помощь. Писатели-пенсионеры получают пенсию на общих основаниях — за счет государственного бюджета.

Говоря о роли Литфонда в жизни писателя, важно отметить, что оказание помощи писателям, работающим над своими произведениями,— это не какая-то благотворительность, а действенный вклад в их творческий труд. Ведь надо учитывать, что процесс создания литературного произведения весьма длителен, писатель порой может оказаться в положении весьма затруднительном, если ему не придет на помощь Литфонд.

Нужно сказать и о международных связях Литфонда. В соответствии с планами сотрудничества между Союзом писателей СССР и союзами писателей стран социалистического содружества развиваются контакты и между нашими литфондами. Пребывание писателей из этих стран и прогрессивных писателей из многих стран мира в домах творчества Литфонда стало доброй традицией.

Сегодня Литературный фонд СССР имеет необходимые материальные средства, а также широкую сеть социально-бытовых, культурно-просветительных, лечебных, производственных и других учреждений и предприятий, обслуживающих около семи с половиной тысяч писателей — членов Литфонда, членов их семей, семей умерших писателей и тех, кто погиб на фронтах Великой Отечественной войны, начинающих авторов.

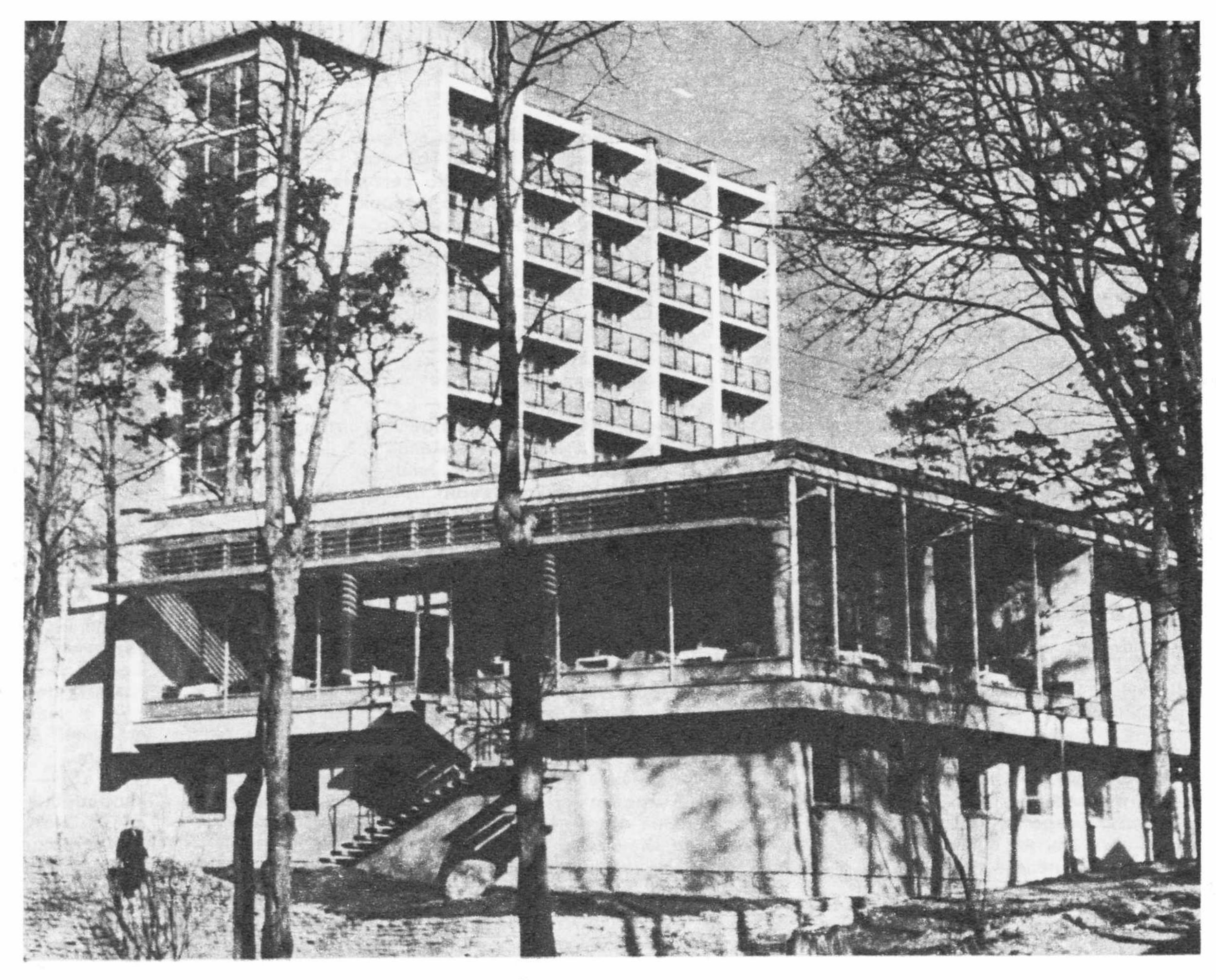
Правление Литературного фонда СССР осуществляет свои функции под руководством и в тесном контакте с секретариатом правления СП СССР и писательскими организациями на местах. Всей деятельностью Литературного фонда руководит правление, которое избирается пленумом правления Союза писателей СССР. Непосредственное руководство работой Литфонда в период между пленумами правления осуществляет президиум, в нынешнем составе которого: В. Лидин и В. Полторацкий — заместители председателя; члены президиума: А. Арбузов, С. Бабаевский, Ю. Друнина, Д. Еремин, А. Жаров, В. Ильин, И. Карабутенко, А. Коптяева, В. Огнев, К. Селихов, В. Солоухин; возглавляет правление Литфонда СССР его председатель, секретарь правления СП СССР А. Кешоков.

Если в основе работы дореволюционного Литфонда лежала главным образом частная благотворительность, поступления от меценатов, то Советская власть создала для Литературного фонда прочную и надежную материальную базу. Средства Литературного фонда СССР образуются из взносов издательств и отчислений от сборов театрально-зрелищных предприятий. Важно отметить, что материальные интересы авторов в данном случае не затрагиваются и на авторский гонорар это не влияет. Кроме того, Литфонд имеет ряд подведомственных организаций (книжные лавки, производственные предприятия), работающих с прибылью. Члены Литфонда платят членские взносы в размере 10 рублей в год. Помимо всех этих основных доходов, Союз писателей СССР ежегодно направляет в Литфонд средства на капитальное строительство за счет прибылей издательств и газет СП СССР. Только за последние 20 лет на эти средства в шестидесяти городах нашей страны введено в эксплуатацию 85 тысяч квадратных метров жилой площади.

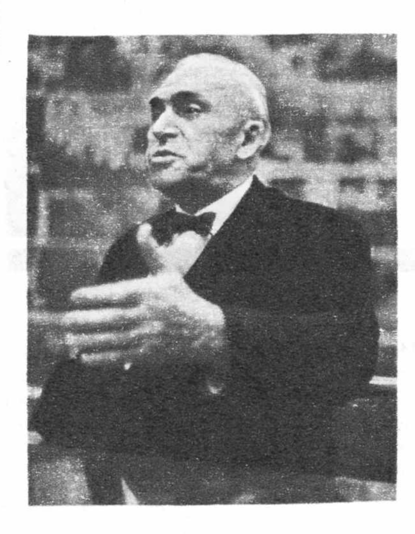
За счет средств Литературного фонда сейчас работают 17 домов творчества, 29 писательских клубов, в том числе Центральный Дом литераторов в Москве, 9 поликлиник, а также единственный в мире Литературный институт имени М. Горького, готовящий кадры профессиональных литераторов.

Первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков в одном из своих выступлений сказал: «Литфонд СССР — это одно из завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции»,— и действительно, ни в одной стране мира государство не проявляет столько заботы и внимания к писателям, как в нашей.

Ярким подтверждением этого является деятельность Литературного фонда СССР, который за сорок лет своего существования стал одним из важных подразделений боевого писательского союза, стал организацией, активно способствующей процветанию многонациональной советской литературы.

Дубулты. Писательский дом творчества имени Яна Райниса.

ИСКУССТВУ СЛУЖИТ, НЕ СТАРЕЯ...

Высокий, седовласый, он какое-то мгновение смотрит на слушателей и говорит, доброжелательно улыбаясь:

— Я вам прочитаю рассказы о встречах Шаляпина с Максимом Горьким и Стасовым...

В аудитории — любой! — как-то сама собою устанавливается обстановка, располагающая к взаимопониманию, будто перед нами не известный артист, ветеран сцены, мастер художественного слова, а давний друг, которого все любят за сердечность, искренность и талант...

Два часа проходят, как говорится, на одном дыхании. И напряженная тишина взрывается аплодисментами... И мы с Хрисанфом Дмитриевичем Петровским переносимся то в Тифлис, а то в Петербург, в кабинет Стасова, где хозяин усаживает молодого Шаляпина в кресло и пророчески предсказывает певцу великое будущее.

А сейчас мы дома у артиста Петровского. Дверь открывает его жена, певица Зинаида Васильевна Тарская.

В квартире уютно, красиво, много цветов. Хозяин дома крепко жмет нам руку. Предлагает:

— Хотите, почитаю Тютчева? Или Блока...

И снова мы оказываемся в стране поэзии, а точнее, во власти волшебника, который переносит нас в эту страну... У него за плечами большая, богатая событиями жизнь. Уроженец Бердянска, небольшого южного города, Петровский с детских лет увлекается театром, художественным чтением. Годы творческого поиска, совместная работа на эстраде с Качаловым, Хмелевым, Петровым, Свердлиным стали школой мастерства.

А в дни Великой Отечественной войны Хрисанф Дмитриевич — участник более 700 концертов в бригадах, обслуживающих действующую Красную Армию и Военно-Морской Флот. Где только не был он за годы войны! Брянский, Карельский, Волховский фронты, Северный и Балтийский флот...

Его энергии можно позавидовать, хотя Хрисанф Дмитриевич накануне восьмидесятилетия. Но у настоящего искусства нет старости.

Н. ШУМАКОВ

3

Старикашка у входа за кулисы преградил мне путь:

— Минуточку. Сюда нельзя.

— Верно, папаша. И «кадиллак» вот на это нельзя купить.

Он взял десятку и пожал плечами.

Когда я вошел, Херби Темпл сидел перед зеркалом в уборной, покрывая толстым слоем пудры следы долгих лет безвестности. За его спиной с озабоченным видом и незажженной сигаретой в зубах ходил взад-вперед Эл Иванс.

— Приветствую, дорогуша,— обратился я к Ивансу.

Он измерил меня недовольным взглядом.

— Я не знал, что вы с Херби знакомы,— буркнул он.

— Мы вовсе не знакомы,— ухмыльнулся я.— Здравствуйте, мистер Темпл.

Комик поспешно вскочил и, поскольку ему не сообщили, кто я, выдавил на своей худой, изможденной физиономии улыбку.

— Меня зовут Сидней Уоллес.

— Восхищен.

— Мистер Уоллес — пресс-агент,— глядя на кончик своей сигареты, изрек Иванс.

Улыбка осталась на физиономии Темпла, но теперь она оледенела.

Я присел на кушетку.

Эл Иванс одарил меня мудрой, всепонимающей улыбкой и покачал головой.

— Так, так, Уоллес. Но сегодня нам это не нужно. Сегодня никаких сделок.

— Детка, я и не предлагаю.— Я развел руками.— Просто спросил из любопытства.

— Ответь этому человеку, Эл,— сказал Темпл, обращаясь к зеркалу.— Этот человек сказал, что, прежде чем уйти, хочет задать один вопрос. Ответь ему на него, пока он не придумал следующий.

Иванс взял меня за руку и тихонько подтолкнул к двери.

— Херби не верит в пресс-агентов,— сказал он.— Тебе этого ответа мало?

— Одно слово тут лишнее, Эл,— заметил Темпл.— Херби не верит пресс-агентам. И точка.

Я обернулся.

— Отлично вас понимаю, мистер Темпл. Все они кричат, будто сделают для вас ого-го сколько, на самом же деле палец о палец не ударят. Вы можете сказать, что каждое бродвейское светило знает цену обещаниям...

— Это вы можете. Я нет.

— ...Однако, со своей стороны, замечу: когда я рассказываю своему будущему клиенту, что собираюсь уговорить Хансекера взять его под свою опеку, это не пустой разговор.

Удивительно, но пальцы Иванса разжались на моей руке и губка Темпла застыла в воздухе на одном и том же слове, магическом слове «Хансекер».

Не мешкая, я быстро подошел к телефону.

— Знаю, вы мне не верите. Карандаш есть? «Прошу извинить, если вы знаете более веселого комика, чем Херби Темпл из «Викинга»... ммм... мы так смеялись... Нет, лучше «мы лежали замертво от смеха... и других фамилий не расслышали»... Ну, разумеется, пойдет, дорогой... Есть, детка... Да, послушай, Харви, где ты обедаешь?.. Через двадцать минут? Думаю, что смогу... Ну, конечно же, с удовольствием. Отлично. Превосходно. Через двадцать минут у Бейба Сканлона.

Я повесил трубку и перевел взгляд с одной озадаченной физиономии на другую.

— Поняли теперь?— спросил я у Херби Темпла.

Какую-то долю секунды я надеялся, что он не понял. Надеялся, что он каким-то образом даст мне почувствовать, что Харви Хансекер — пустой звук. Но все это было так мимолетно...

Темпл отвернулся к зеркалу.

— Поговори с ним, Эл.

Я направился к двери.

— Скоро мы увидим вас в кино, мистер Темпл,— мимоходом заметил я.— Наверняка увидим.

— Сделки заключает Эл,— бросил он.— Поговорите с Элом.

— У меня деловое свидание. Разве вы не слыхали? До завтра, Эл. Где моя контора, ты знаешь.

— Да,— натянуто кивнул агент, сверля меня исподлобья подозрительным взглядом.— Почему бы нам не подождать до завтра?

На прощание я широко улыбнулся старичку, стерегущему вход за кулисы. Он не знал, что я купил его слишком дешево.

СЛАДКИЙ ЗАПАХ УСПЕХА

Эрнест ЛЕМАН

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Послушай, старина,— начал Эл Иванс,— у нас с Херби был небольшой разговор, если хочешь, личный.

— Зарабатываешь свои десять процентов, Эл? — Не обращая внимания на его хмурую физиономию, я обратился к Темплу, который снова сел к зеркалу и взял губку: — Я присутствовал на вашем позавчерашнем представлении, мистер Темпл.

— Да? — спокойно осведомился он.

— И я должен был зайти и сказать вам, что считаю вас истинным гением. Гением.

Темпл смотрел на себя в зеркало.

— Эл, который час?— спросил он Иванса.

— У тебя еще пятнадцать минут, Херби.

— Это все?— Он повернулся ко мне.— Тогда я уверен, мистер... Как вы сказали, ваша фамилия?

— Кросби,— ответил я.— Бинг Кросби*.

— Я уверен, мистер Фрэннис нас извинит, Эл.

Иванс окинул меня взглядом.

— Если вы, Уоллес, не возражаете...

Я встал.

— Ну, разумеется. Только сначала разрешите задать вам один вопросишко.

— Прошу вас...

— Как получилось, что Херби Темпл, эта муза подлинной комедии, прозябает в безвестности?

— Минутку, постой!— воскликнул Иванс.

— Оставь его в покое, Эл.— Темпл отложил губку и повернул ко мне голову.

Я набрал номер своей конторы и стал ждать. Глория сняла трубку после третьего звонка.

— Пожалуйста, мистера Хансекера,— сказал я.

— Что? Кто это?

— Мистер Уоллес. Сидней Уоллес. Я хотел бы поговорить с мистером Хансекером. Это важно.— Я не стал слушать ее бессвязные восклицания и закрыл микрофон рукой.

— Послушай.— Иванс приблизился ко мне.— Мы тебя не нанимали, сделок с тобой не заключали.

— Спокойно, детка. Я ведь вам сказал, что ничего не предлагаю. Ничего.

Глория замолчала.

— Харви? Привет. Это Сидней. Как ты там, дорогой?.. Послушай, Харви, ты закончил рецензию?.. Да, уже? Послушай, может, еще не поздно кое-что вставить, а?.. Знаю, знаю, но ведь ты всегда можешь что-то выбросить, верно? Ты уже так делал для меня... Разумеется, это важно: разве б я стал просить тебя о пустяках?.. Ну, тогда ладно. Ты знаешь Херби Темпла? Что ты хочешь сказать этим «ну и что»? Из «Викинга». Он гений, вот тебе и «ну и что». Я хочу, чтоб ты замолвил о нем пару словечек в завтрашней рецензии.

Я заметил, что Темпл с Ивансом обменялись быстрыми взглядами.

— Харви, послушай, Харви... Я знаю... Я знаю, но это не для него. Я хочу, чтоб ты это сделал для меня. Нет, на следующей неделе уже слишком поздно. Завтра? Да... Отлично.

У Бейба Сканлона была обычная обеденная толчея.

Швейцар Герман смотрел сквозь меня.

— Я обедаю с мистером Хансекером,— объяснил я.— Он меня ждет.

Волны расступились.

— Пожалуйста сюда, мистер Уоллес.

Я нашел бы дорогу и без него. Я знал, за каким столиком сидит Хансекер. Вокруг него вилось по крайней мере три официанта... Того гляди, один из них принесет пальмовый лист, чтобы обмахивать своего господина.

Я опустился на стул.

— Привет, Харви.

Он поднял голову и, запихивая в рот очередной кусок, что-то буркнул в ответ.

Я взял меню.

— Принесите ему то же самое,— тыкая вилкой в сторону одного из официантов, приказал Хансекер.— Только передайте, чтобы положили в подливку чуть больше чеснока.

— Сегодня мне что-то не хочется чеснока.

Он на секунду задержал на мне свой взор, потом снова обратился к официанту:

— И чтоб лук был хорошо нарезан. Хочешь запивать холодным кофе?

Я бросил меню на стол.

— Хорошо. Пусть будет холодный кофе.

— Скажите, чтоб кофе приготовили братья Макс.

Официант с послушным видом удалился.

— Ну, ладно, выкладывай.— Он щелкнул пальцами.— Закончи свой номер и раскланяйся до того, как принесут твой заказ.

Я посмотрел на него:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35, 36.

* Бинг Кросби — популярный американский певец. (Прим. переводчика.)

— Ты видел фельетоны?
— Разумеется, видел. Я всегда читаю оппозиционеров. Это все равно что рыться в своей корзине для использованных бумаг или читать старые рецензии.
— Стива Далласа уволили из «Элизиан рум»,— спокойно заявил я.
Он положил в рот маринованный огурчик.
— Ну и что? Валяй, валяй.
— Что значит «валяй»? Его оттуда выставили, и теперь ему всюду заказана дорога.
— Я слушаю,— промолвил Хансекер.
— Что еще ты от меня хочешь?
— Хочу услышать от тебя, что он нокаутирован. Меня не интересует, есть у него работа или нет. Я не люблю слов типа «заказана». Слишком они расплывчаты. Меня они ни в коей мере не успокаивают. Выражайся точнее, Сидней.
Я молча вцепился в салфетку. Ну что тут скажешь?
— Говори громче, Сидней.
«Скажи. Выложи ему все. Может, он сдастся и дарует тебе свободу? Скажи ему теперь, пока не поздно. Если он не сдастся теперь...»
— Харви, послушай...— У меня дрожали губы.— Я... видел сегодня Сьюзен.
Он замер.
— Что? Где?
— В моей конторе.
Он перегнулся через стол и схватил меня за лацкан пиджака.
— Я ведь говорил тебе, что не хочу, чтоб она там бывала!— рявкнул он.
— Я не звал ее, Харви. Я...

КИЙ
ЕХА

— С кем она была?
— Одна.
Он притянул меня к себе.
— Одна? Ты и она?
Мужчина за соседним столиком обернулся, напуганный его криком.
— У меня есть секретарша, Харви,— хриплым голосом напомнил я.— Ее зовут Глория. Вспомнил?
Он отпустил мой лацкан. На нем остались следы его сальных пальцев.
— Ну, выкладывай, зачем она там была,— потребовал он.— Что ей от тебя нужно?
— Она приходила со мной поговорить.
Я поправил галстук.
— Поговорить? О чем?— выпытывал он.— О чем вам говорить? Отвечай, Сидней! Что она тебе сказала?
С минуту я молча смотрел ему в глаза. Он поймет, почувствует, когда нужно сдаться.
— Все напрасно, Харви: она от тебя уходит. Говорит, что завтра выходит замуж за этого парня.
Он злобно уставился на меня. На какую-то долю секунды в его глаза прокрался отчаянный страх. Потом физиономия приняла холодное и безразличное выражение, рот покривился в горькой усмешке.
— Очень забавно!— загоготал он.—Уморил. Послушай, Сидней, ты умора.
— Я видел свидетельство об их браке, Харви.
— А еще что?— взвизгнул он.
— На нас смотрят. Не надо.
— Рассмеши меня снова.
— Ты нервный и раздражительный. Наверно, ты плохо спал?
— Плохо спал? С чего это я должен плохо спать, а? Когда я сплю, обо мне никто не сплетничает. У меня нет своевольной и неблагодарной сестры, которая платит мне злом за то добро, что я ей сделал. Верно, Сидней?— Его пухлая физиономия дергалась.— Почему я должен плохо спать, когда у меня есть Сидней Уоллес, который обо всем позаботится? Он может кое-что сделать. Ну, скажем, прийти и рассказать блестящий анекдот.
— Я сделал все, что...
— Пусть спят бездари, знаменитостям сон ни к чему!— перебил он.— Перестань храпеть, Сидней!
Я сидел и слушал его не перебивая. Где уж человеку вступать в спор со стихией? Когда официант принес мой заказ, я уставился в тарелку. И только тогда Хансекер прервал себя:
— Сидней... посмотри на меня.— В его глазах стояли слезы.— Я не прошу от тебя многого, верно? Хансекер дает, он не берет. Разве не так?
— Разумеется, Харви.
— Если Хансекер просит об одолжении, значит, на то у него есть основательные причины.
— Разумеется, Харви,— кивнул я.
Он смиренно сложил руки на груди.
— Разве б я стал просить тебя положить конец этому ужасному недоразумению между Сьюзен и этим, как там его, мальчишкой, если б это не было для меня важно? Мне ведь не нужно говорить тебе, как я не хочу, чтоб она испортила себе жизнь, потратила ее на какую-то заурядную посредственность?
— Нет, Харви.
— Мне ведь не нужно говорить тебе, в каком щекотливом положении я бы оказался, займись этим делом в открытую. Такая значительная фигура, как Хансекер, не может ставить себя в унизительное положение, под удары и насмешки врагов. Верно, Сидней?
Я кивнул.
— Я человек утомленный,— продолжал он, и я услышал, как его голос вдруг задрожал.— Одной рукой я борюсь за справедливость, другой отбиваюсь от стаи голодных волков. Хансекер всего лишь человек. И судить его надо с человеческой точки зрения.
Я измерил его пристальным взглядом. Такое признание всегда настораживает.
— Мне необходим отдых. Отдых и развлечения,— со вздохом пояснил он, достав бумажник и вытаскивая из него конверт. В нем оказались билеты на очередное плавание «Куин Мэри».
— Тебе?
— Пусть эта страна почувствует, каково ей без Хансекера. Но лучше месяц без Хансекера, чем больной Хансекер, верно?
У него снова выступили слезы.
Мне пришлось отвернуться.
— Хансекер на гребне высоких волн,— прошептал он.— Это всем пойдет на пользу. Мне же это принесет пользу лишь в том случае, если я уеду со спокойной душой.
У меня больше не было сил ждать. Я знал, каков будет ответ, но я должен услыщать его собственными ушами.

— Харви...— Я проглотил слюну.— Для кого... для кого второй билет?

Он следил за мной, приложив к уголкам глаз носовой платок.

— Она никогда не видела ни Лондона, ни Парижа. Это ее проймет.

— Харви...

— Билеты будут для нее сюрпризом, и она забудет все пустяковые недоразумения, которые возникли между нами в последнее время.— Его взор прояснился.— Она еще будет мне благодарна, что я раскрыл ей глаза на это глупое увлечение. Уже через два дня забудет своего сопляка. Я познакомлю ее со всеми выдающимися личностями Европы. Она поймет, что значит быть сестрой Хансекера. У нее больше никого нет на всем свете, и я, Сидней, хочу сделать для нее все возможное.

Я отхлебнул холодного кофе, но он застрял у меня в горле.

— Как ты думаешь, ей понравится, Сидней?

Мне не надо было смотреть на его застывшую, побелевшую физиономию.

— Как ты думаешь?

И зачем мне было понимать, как все это для него важно, а следовательно, и для меня... Наконец, за взвизгиваньем вращающейся двери, звяканьем посуды и приглушенным жужжанием голосов я услышал свой собственный голос, говорящий от имени самого моего «я», которому вечно мало. Этот голос едва слышно сказал:

— Хорошо, Харви, хорошо. Я сделаю все, что в моих силах.

— Может, тебе стоит поговорить с этим молокососом?— вкрадчивым голосом советовал Хансекер.

— Попробую.

— Быть может, он не такой упрямец, как Сьюзен?

— Постараюсь, Харви,— пообещал я, чувствуя, как холодеет в животе.

На мое плечо опустилась чья-то рука.

Я поднял голову и увидел Эла Иванса: с его физиономии уже исчезло нахально-подозрительное выражение.

— Эл.— Я постарался предупредить его взглядом, но он стоял и смотрел на Хансекера. Потом перевел взгляд на меня. Глупый, подозрительный Эл Иванс, который пришел все проверить и увидеть своими глазами. Он скользнул на стул рядом со мной.

— Как дела, мистер Хансекер?

Харви поднес к губам стакан с водой и спросил:

— Сидней, кто твой друг?

Я облизнул ссохшиеся губы.

— Харви, это Эл Иванс, агент.

Иванс выжидающе улыбнулся.

— Сегодня вечером у меня что-то очень плохо со слухом,— сказал Хансекер, разглядывая стакан с водой,— и поэтому я не слышал, чтоб кто-нибудь приглашал твоего друга, мистера Эла Иванса, агента, присаживаться за этот столик.

Улыбка застыла на физиономии Иванса.

— Я только...

— Может, у меня и со зрением что-то не так,— продолжал Хансекер,— и я не разглядел, что здесь при входе висит вывеска «Закусочная»?

Иванс вскочил на ноги.

— Очень виноват, мистер Хансекер. Я просто хотел засвидетельствовать свое почтение Уоллесу.

Харви сверлил его своими выцветшими глазками.

— Что это вдруг, мистер Иванс?

— Ну, понимаете...

— Эл,— поспешил вмешаться я,—встретимся завтра. Идет, детка?

— Разумеется,— подхватил Иванс.— Разумеется. Ну, всего доброго, мистер Хансекер.

Он стремительно повернулся, налетел на официанта и, повернув в другую сторону, исчез.

— А что будет завтра?— в упор спросил Хансекер.— Зачем он тебе нужен завтра?

— Дело есть,— ответил я.— Десерт будешь?

— Какое дело?

— У него есть клиенты, которым иногда нужна реклама. Вот и все. Как насчет голландского яблочного пирога? Я, кажется, с удовольствием. А ты?

— Что за клиенты, Сидней?

— Какая разница? Обычное скучное дело.

— Меня интересуют скучные дела. Особенно дела других людей. Мне за это платят деньгами. А чем платят тебе, Сидней, за молчание?

Я долго смотрел ему в глаза и только потом сказал:

— Херби Темпл.

Харви уставился на меня, усиленно ворочая мозгами.

— Он твой клиент?

— Еще нет.

— А когда будет?

— Скоро.

— Как скоро?

— Завтра,— сдался я.

Он невесело улыбнулся.

— Это хорошо, Сидней. Рад слышать, что ты преуспеваешь. Мне это доставляет удовольствие.— Он протянул ладонь.— Дай мне десятицентовик.

— Зачем?

— Дай десятицентовик, Сидней.

Я порылся в кармане и вручил ему монету.

— Сейчас вернусь,— сказал он, вставая со стула.— Хочу позвонить в газету.

Он улыбнулся.

Я видел, как Хансекер шел сквозь строй устремленных на него взглядов, приветствующих его появление.

«Сделай что-нибудь,— взывал я про себя в беззвучной молитве.— Сделай что-нибудь такое, что бы вызвало у меня гнев, и чтоб я мог, пока не поздно, порвать с тобой». От нечего делать я катал хлебные шарики. Наконец появился он, и по его раздраженной физиономии я понял: уже не вычеркнешь. На этот раз ему придется отступить от своего правила и дать задаток.

Он сел за стол, снова надевая свою улыбающуюся маску.

— Не говори потом, что Хансекер неблагодарен!

О господи, только не это!

— А почему?

— Ты сказал, что Херби Темпл скоро будет твоим клиентом, не так ли? Ты ведь хочешь, чтоб у него было хорошее начало?

Я молча кивнул.

— Хансекер не отделывается одними словесными благодарностями. Это любой может. Хансекер любит благодарить на деле.— Он сделал многозначительную паузу.— Я только что позвонил в газету и кое-что добавил к завтрашней рецензии. Завтра Хансекер заявит пятнадцатимиллионной аудитории, какой великий актер Херби Темпл. Этим я говорю тебе спасибо, Сидней, за все то, что ты собираешься для меня сделать. Так скажи же мне «рад стараться».

Я смотрел на свою салфетку. Она была белая и квадратная, как брачный контракт или билет на «Куин Мэри». Мне хотелось ее разорвать, но она казалась прочной. Я посмотрел на Хансекера.

— Мне пора.

— Тогда встретимся позже в «Панаманиан».

— Нет, Харви, сегодня вечером не приходи в «Панаманиан». Мне нужен простор, полная свобода. Я хочу делать все, что мне захочется, что заблагорассудится.

Он сверлил меня своим взглядом.

— Ты, Сидней, что-то от меня скрываешь. Хансекер любит играть в открытую, не пряча карты за манжету.

— Ты сам сказал, что не хочешь заниматься неприятными делами, так ведь?

— Я не верю в то, что существуют дела неприятные. Это — последнее убежище для слабых и беспомощных.

— Ну, тогда отдохни, не задавай вопросов. Иди в «Двадцать одно», как ты обычно делаешь; сядь за свой столик и радуйся, что к тебе подходят люди и стараются тебя развлечь. Если ты мне понадобишься, я позвоню. Но только ты не понадобишься.

Чему быть, того не миновать. Хансекер никогда бы не простил мне, если бы я поделился с ним всем заранее и сделал его тем самым соучастником.

— Это уже похоже на человека, который знает, что ему делать. Никогда не переведутся на свете чудеса.

— Попытаюсь,— выдавил я.— Мне только это и остается.

На его физиономию набежала маленькая тучка.

— Ты способен на большее.— Он взял со стола меню.— Когда будешь уходить, позови ко мне одного из братьев Макс.

Я встал и направился к выходу. Внутри все горело, но теперь я понимал, что жара тут ни при чем. Теперь я знал то, о чем догадывался с самого утра... что было под спудом еще с момента пробуждения: мне не обойтись без Гарри Киллоу. Я перебрал в уме все остальные шансы, но это были всего лишь шансы... Вечером мне предстоит позвонить Гарри Киллоу, никогда не смеющемуся лейтенанту 21-го участка.

Продолжение следует.

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА.

ГАСТРОЛИ

Нина ВЕЛЕХОВА

ВЫСОКОЕ И ПРОСТОЕ

Один остроумный писатель сказал, что есть художники, которым свойственно говорить о высоких вопросах жизни человека так же просто, как искать при свете спички нужный им номер квартиры на лестнице. Разумеется, это свойство тогда только уместно, когда художник владеет искусством выразительной простоты. Это — редкое умение; я вспомнила о нем на спектакле Алма-Атинского русского драматического театра «Две зимы и три лета» по роману Федора Абрамова. Поставил его режиссер Мар Сулимов. Именно в этом спектакле важные, большие проблемы жизни оказались выражены с удивительной простотой, которая не снизила сложное содержание, но сделала его реальным, близким.

История людских судеб в маленькой северной деревне, в колхозе, который выстоял трудные годы войны благодаря душевной силе и мужеству людей,— это история самоотверженности людей, которые не получают громкой славы, но поистине есть соль нашей земли.

В центре спектакля — Михаил Пряслин. Актер В. Малочевский, играющий Пряслина, и режиссер М. Сулимов, раскрывший судьбу героя на широком фоне колхозной жизни, дают нам постигнуть общий смысл этой частной, единственной судьбы, отразившей в себе сущность народного характера.

С подлинной, ощутимой и в то же время не сентиментальной любовью к человеку сыграна Малочевским роль Пряслина... Очень интересны работы Л. Нэльской (Анфиса Минина) и А. Добросова (Тимофей). Это люди с драматическими судьбами.

Чутко откликаются и другие актеры на стремление режиссера показать психологию простых и мужественных людей, их терпение и достоинство. Н. Жмеренецкая раскрывает чистую девичью душу Лизы. Мягко и драматично рисует образ слабой, зависимой матери семейства А. Тарасова (Анисья); лирична и проста А. Скрипко (Варвара), характерен Л. Полохов (Нетесов), четко социален Г. Самойлин (отец Тимофея). Многое известное зрителю освещается по-новому, напоминая о главных проблемах и противоречиях действительности. И о том, что человек способен на высокие поступки, на большие подвиги.

Тут же память подсказывает название другого спектакля: «Так громче, музыка!..».

Может показаться странным, что о Чапаеве рассказано в жанре героической комедии. Но рассказано хорошо!

Актеры и режиссер Ирина Даленко с настоящим чувством патетики, личного волнения развертывают в действии несколько эпизодов из жизни легендарной чапаевской дивизии.

В этом спектакле Чапаев не гибнет. И кажется, он и не погибнет: такая молодость, такая окрыленность смелой натуры ощущаются в исполнении артиста В. Подтягина. Его Чапаев талантлив как командир и как человек.

Хороши образы людей, поднявшихся за Чапаевым, и среди них бывалый красноармеец Теткин — В. Малочевский. Этот парень — как неотшлифованный самородок: с виду он несуразен и чудаковат, на деле же он героическая личность. Смеясь, идет этот Теткин в разведку, где два белогвардейских холуя убивают его — связанного, окровавленного, но несдавшегося.

Не все равноценно в творчестве театра. Не идет ни в какое сравнение с названными спектаклями водевиль «Ханума», где при полной утрате народной поэзии торжествуют, увы, плохой текст и стихи Константинова и Рацера, «обработавших» комедию Цагарели. Но в памяти остается не этот досадный промах театра, а его умение говорить о жизни человека — о труде, печалях и радостях...

У театра есть два качества: тонкий слух к тому, что происходит в жизни, и самобытный стиль, чуждый эпигонству. Такое сочетание встречается не часто. Театр должен беречь свой стиль и совершенствоваться в нем.

ХОЗЯИН ЭКСПРЕССА

В последний час суток к перрону Московского вокзала подали сверкающий парадной чистотой экспресс «Красная стрела». Ленинградцы, спешащие в столицу, предпочитают его всем прочим поездам. И не только потому, что он никогда не опаздывает, — это самый удобный из всех поездов: в полночь сел, утром в Москве.

Пятнадцать цельнометаллических вагонов. Поезд оснащен радиотелефонной связью: бригадир может разговаривать с машинистом и даже с дежурным по станции.

У вагона вас встречают проводники в белых перчатках, в фирменных костюмах. Проводники, как правило, прошли курсы, владеют английским и немецким языками.

Высокий, стройный, не по возрасту энергичный механик-бригадир, по-старому начальник поезда — Александр Иванович Иванов. Он в ответе за весь состав, за все писаные и неписаные порядки в вагонах. В управлении Октябрьской дороги в шутку говорят: в «Красной стреле» у нас три Ивана и один Иванов! Имеются в виду бригадиры Иван Петрович Романов, Иван Филиппович Роденков, Иван Митрофанович Дворников и сам Александр Иванович Иванов. На транспорте он около полувека, в экспрессе наездил без малого шесть миллионов километров!

Иванов идет вдоль поезда, раскланивается с отъезжающими в столицу. Уйма знакомых! Кого только не возил в Москву: поэтов, рабочих-новаторов, депутатов, писателей, актеров, но особо приятное знакомство было у Иванова с Юрием Алексеевичем Гагариным.

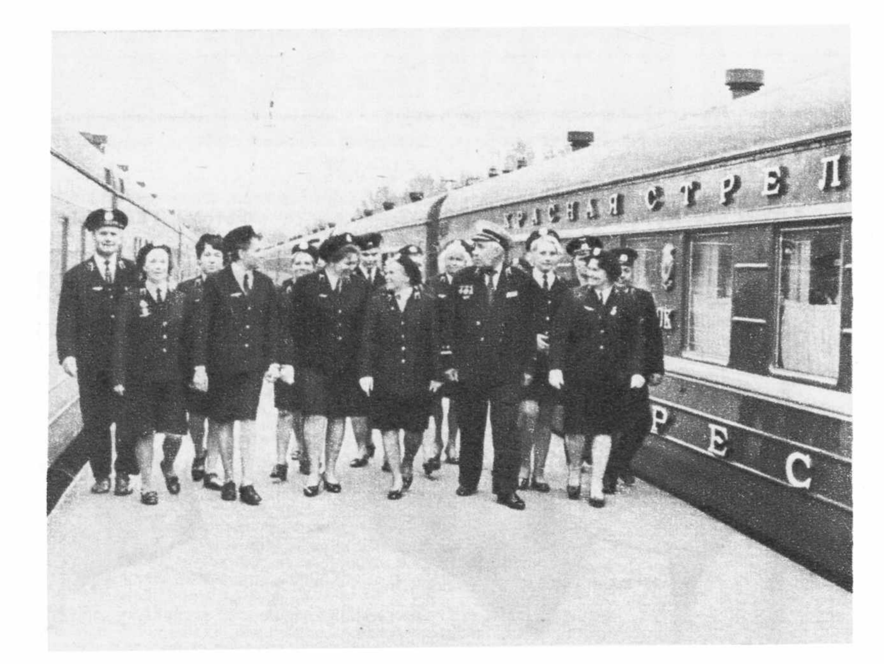
— Удивительно простой, внимательный, веселый был человек,— вспоминает Иванов. — Однажды пригласил меня в Кремлевский Дворец съездов, и я там сидел рядом с ним...

До отправления пятнадцать минут. Иду к локомотиву. Кто сегодня у «штурвала»? Николай Семенович Быков. Машинист первого класса.

Зазвучал марш Глиэра, написанный специально для торжественной минуты отправления «Красной стрелы». Исполняется он за три минуты до отхода поезда. Зазвучал марш — пора по вагонам.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото А. ГОСТЕВА.

А. И. Иванов и его бригада.

Удостоверение получает Наталья Большанина, швея обувной фабрики.
Фото Сергея Даниленко.

ЦВЕТЫ ДЛЯ НАДЕЖДЫ

В лиепайской городской газете «Коммунист» на четвертой странице я прочитала: «Поздравляем с совершеннолетием Надежду Жгун. Коллективы магазинов 74—71». Столь доброе пожелание сопровождалось напутственным четверостишием. Меня, естественно, заинтересовало, кто такая Надежда Жгун, за что она удостоилась всеобщего внимания?

...В полдень по центральной улице города, немилосердно сигналя, двигалась колонна легковых машин, красочно убранных цветами и гирляндами из листьев. В автомобилях, преисполненные важности и серьезности момента, восседали празднично одетые девушки и юноши. Люди выходили из домов, магазинов, кафе, столовых и радостно приветствовали этот необычный кортеж.

Я познакомилась с несколькими героями того дня. Галина Шерстобитова и Мария Родионова — работницы комбината «Лайма». Свой трудовой путь они начали до наступления совершеннолетия, Галя — сновальщицей, Маша — вязальщицей. Обе приезжие. Одна — из Саратовской области, другая — из Горьковской. Они были потрясены яркими событиями этого дня. Празднество началось в красном уголке комбината. Каждому было вручено специальное памятное удостоверение, своеобразный диплом на гражданство. Каждый получил подарок. Маше и Гале достались сервизы из керамики. Потом всех пригласили в уже ожидающие их машины. Маршрут пролегал по центральным улицам. Сначала к памятнику защитникам Лиепаи, героически державшим оборону города в Великую Отечественную войну, потом к памятнику Владимиру Ильичу Ленину. Завершилось празднество в Приморском парке.

— Этот день самый радостный в моей жизни,— сказал Дайнис Зариньш, слесарь сортопрокатного цеха завода «Сарканайс металургс».— Ничего подобного я не ожидал да и все мои родные тоже. Папа даже пошутил, что он слишком рано родился.

Отыскала я и Надю Жгун. За прилавком трикотажной секции магазина стояла высокая, стройная девушка с длинными темными волосами. В этом же магазине заведующей работает и ее мать, Зинаида Александровна Жгун. Интересна ее судьба. Молоденькой девушкой, такой же, как сейчас Надя, Зинаида Александровна приехала в Лиепаю из далекого алтайского городка. Приехала к отцу, защитнику Лиепаи. В боях под Приекуле старшина артиллерии Пилипенко был тяжело ранен, контужен, лежал в госпитале. Дочь его осталась здесь и, как родную, полюбила латвийскую землю, нашла здесь свое счастье.

— В нашем городе в этом году восемнадцать лет исполнилось многим юношам и девушкам,— рассказал мне секретарь горкома комсомола Игорь Володкевич.— Праздник совершеннолетия, я имею в виду его торжественную часть, проводился в клубах предприятий, в средних школах и у нас в горкоме. Его финал вы видели сами на улице и в парке. Как родилась эта традиция? Трудно сейчас сказать. Я работаю здесь недавно, всего год, но знаю, что запевалой был горисполком, вернее, его комиссия по новым бытовым традициям, пришедшим на смену старым религиозным обрядам. Время для праздника выбрано самое подходящее — лето, когда так много тепла, солнца и цветов.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

ГОРНЯЦКИЙ ДИПЛОМ

50 лет назад, в год первого выпуска, Московскую горную академию окончили 11 инженеров. И вот в Колонный зал пришли 839 вчерашних студентов Московского ордена Трудового Красного Знамени горного института — 839 высококвалифицированных специалистов. Едва успели они занять места, как пошла по рядам записка: «Ныне уже, любители рудных дел, одарены вы отменным зрением; коим не токмо по земной поверхности, но и в недра ее глубоко проникнуть можете...». Так через века и годы поздравил выпускников Михайло Ломоносов, один из первых горных инженеров России.

Обращаясь к ним же, министр угольной промышленности Б. Ф. Братченко заметил: «Нам всем, ранее окончившим горный институт, приятно встретиться с вами, молодые коллеги. Я думаю, что в этом зале сидят будущие руководители участков, смен, директора, генеральные директора, будущий министр угольной промышленности...».

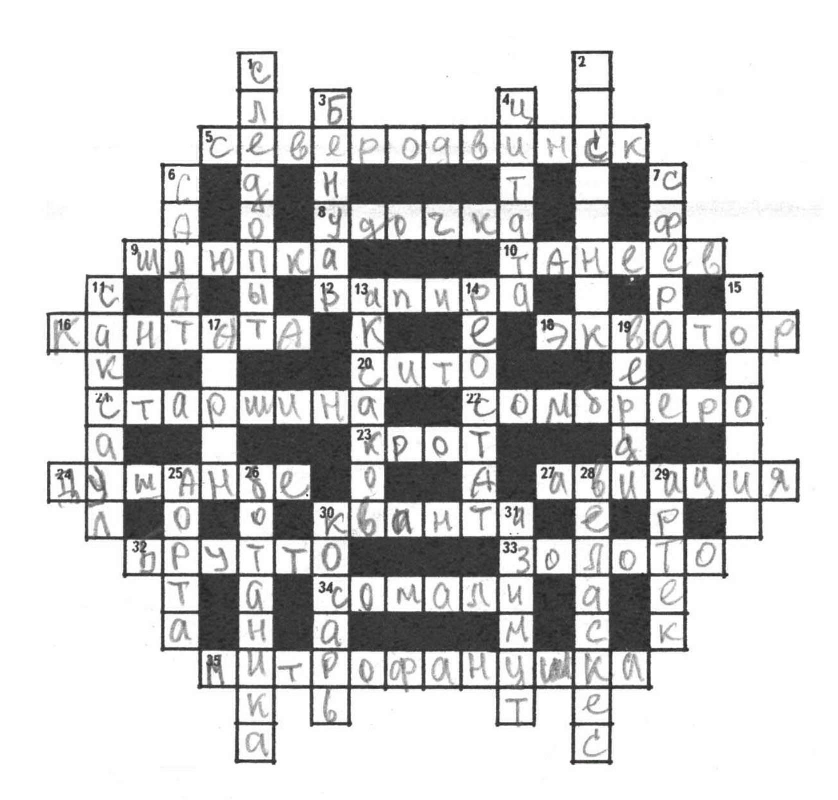
На торжества пятидесятого выпуска приехали прославленные горняки — люди, имена которых знает вся наша страна. Сейчас они заняты непривычным делом — вручают молодым инженерам дипломы, поздравляют, напутствуют. Тридцати отличникам учебы вместе с дипломом министр угольной промышленности вручил именные часы. А член-корреспондент Академии наук СССР, ректор института В. В. Ржевский при этом тридцать раз произносил фразу, которая начиналась словами: «Приехавшему на учебу...». И называл шахту или карьер, откуда пять лет назад приехал нынешний выпускник. Как правило, ректор добавлял: «И возвращающемуся туда же...».

К вечеру, когда выпускники горного института расходились из Колонного зала, те, кому были вручены именные часы, немного задержались. «Поставим московское время. И будем работать так, как нас научили в Москве».

К. КОСТИН
Фото М. Савина.

Герой Социалистического Труда, бригадир проходчиков Н. П. Бизин поздравляет выпускников Ю. Г. Торова, В. Я. Шадюка и Н. Н. Мурашова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Город в Архангельской области. 8. Рыболовная снасть. 9. Беспалубное судно. 10. Русский композитор. 12. Оружие для фехтования. 16. Вокально-инструментальное произведение. 18. Условная линия, делящая Землю на два полушария. 20. Решето с частой сеткой. 21. Воинское звание. 22. Широкополая шляпа, распространенная в странах Латинской Америки. 23. Пушной зверек. 24. Столица союзной республики. 27. Воздушный флот. 30. Музыкальный интервал. 32. Вес товара вместе с упаковкой. 33. Металл. 34. Государство в Африке. 35. Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

По вертикали: 1. Роман Ф. Купера. 2. Гриб. 3. Театральные ложи. 4. Выдержка из текста. 6. Овощ. 7. Поверхность шара. 11. Дерево или кустарник среднеазиатских пустынь. 13. Русский писатель. 14. Аппарат для регулирования напряжения в электрической цепи. 15. Породообразующий минерал. 17. Молочный продукт. 19. Итальянский композитор. 25. Главная артерия. 26. Наука о растениях. 28. Испанский живописец XVII века. 29. Пионерский лагерь в Крыму. 30. Стихотворение А. В. Кольцова. 31. Угол между направлением на север и заданным движением.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 5. Гидрант. 7. Копье. 8. «Даиси». 10. Риека. 12. Экспорт. 14. Сакмара. 15. Толь. 16. Ондатра. 17. Ядро. 18. Каир. 20. Буссоль. 22. Кета. 23. Пришвин. 24. Алаколь. 25. Редис. 27. Гичка. 28. Исеть. 29. Чичиков.

По вертикали: 1. Гример. 2. Канада. 3. Креветка. 4. Иноходь. 6. Высокая. 9. Основание. 11. Багратион. 13. Тромбон. 14. «Свадьба». 19. Ровница. 21. «Свидание». 22. Квартет. 25. Радиус. 26. «Симона».

На первой странице обложки: Председатель агрокомплекса «9 сентября» Цветан Павлов и знатный механизатор республики Герой Социалистического Труда Петр Колев ● Враца. Улица Ленина ● Иванка Георгиева — химик-технолог ● Рабочая смена ● У фонтана ● В предгорьях Стара-Планины.

На последней странице обложки: София. Памятник советским воинам-освободителям ● Габрово. Студентка техникума виноградарства Стефка Алексеева со своей крестницей Веселой ● В ожидании седока ● Такое ласковое море... ● Один из ресторанов на курорте «Албена» ● Школьницы ● Этнографический парк-музей «Этыр».

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/VIII — 74 г. А 00624. Подп. к печ. 3/IX — 74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2022. Тираж 2 110 000 экз. Заказ № 2608.

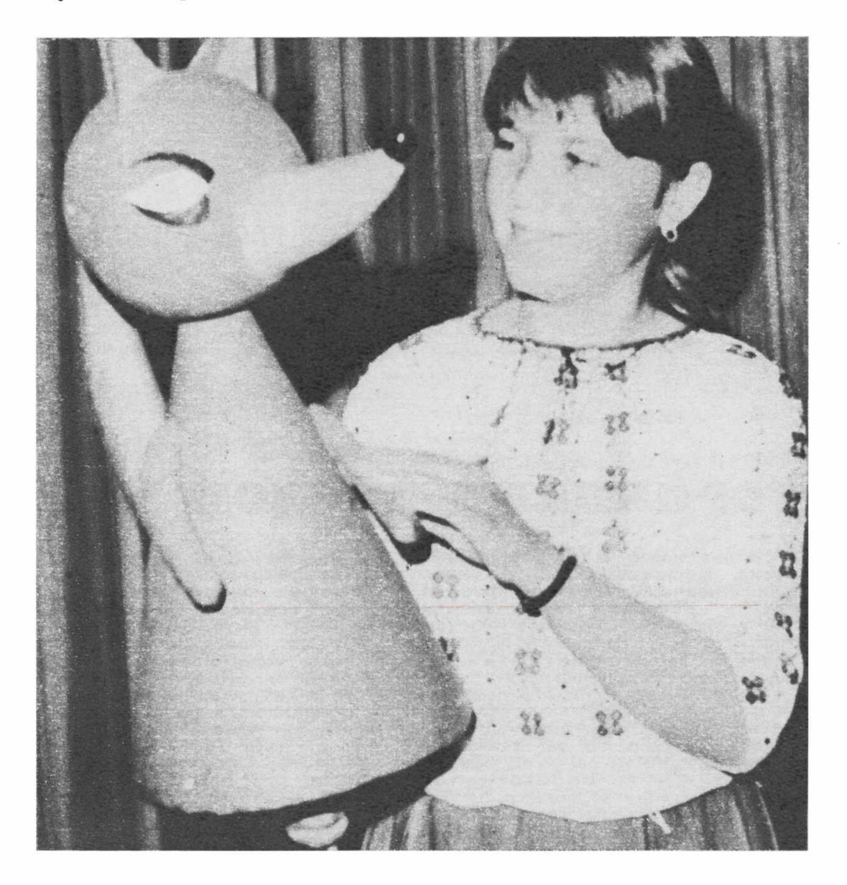
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Ученики балетной студии деревни Николово исполняют русский танец.

ДЕРЕВНЯ

Артистка кукольного театра. Фото Х. ГЕОРГИЕВА.

Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность посольству НРБ в СССР, редакции журнала «Наша Родина», агентству «София-пресс», всем товарищам, которые принимали участие в подготовке этого номера.

ЗОВЕТСЯ НИКОЛОВО

В оперном театре города Русе проходил республиканский смотр самодеятельности танцевальных коллективов. Я немного опоздал и попал в зрительный зал, когда на сцене шел балет. Исполняли его ребятишки. Мне пояснили: это дети из деревни Николово. Затем был исполнен русский танец. Мальчики лихо отплясывали вприсядку, грациозно проплывали девочки. Публика бурно зааплодировала, не дожидаясь конца номера.

Мой сосед — он явно болел за «своих» — указал на женщину, которая появилась в зале: «Это их руководительница Виделина Иванова! А мужчина, к которому она подсела,— ее муж, председатель сельсовета».

На следующее утро я отправился в Николово. По дороге думал: «Может, у председателя балет потому в почете, что его жена — балерина Русенского оперного театра?»

Приехав в Николово, я узнал, что кооперативное хозяйство деревни — одно из лучших в округе. Люди живут зажиточно, и очень мало осталось старых домов — все новые: в два и три этажа, добротные, с красивой отделкой, с цветочными клумбами во дворах. В гаражах — мотоциклы и новенькие «Жигули». Видно, хорошо работают кооператоры, хорошо живут. В этом немалая доля труда председателя сельсовета.

Особая гордость деревни — балетная студия, где занимаются 56 ребят. Это пока единственная в Болгарии сельская балетная школа. От желающих попасть нет отбоя, но принимают только лучших. И вот результат — золотая медаль на республиканском смотре! Ее получили дети. Родители некоторых из них никогда в жизни не видели балета.

Всего в Николове одиннадцать коллективов художественной самодеятельности. Детский театр кукол и хор народных песен — тоже «золотые лауреаты» республиканского фестиваля. Здесь работают группа народных танцев, вокально-эстрадный ансамбль, детский оркестр народных инструментов, кружок чтецов, несколько клубов: фото- и кинолюбителей, друзей изобразительного искусства. В музыкальной школе ребята учатся игре на скрипке, фортепиано, аккордеоне.

— Наша цель — зажечь в детях любовь к прекрасному, чтобы они развивались гармонически,— говорит товарищ Пенев, председатель сельсовета, а заодно и бессменный председатель сельского совета искусства и культуры. Это он организатор и вдохновитель всего, чем славится сегодня Николово в области художественной самодеятельности. Народная власть дала возможность талантам из деревни выйти на сцену республиканского фестиваля и там бороться на равных с представителями крупнейших домов культуры столицы.

Чем объяснить успехи николовцев?

Прежде всего председатель сельсовета заручился поддержкой большого актива. Помогают деятели Дома культуры, учителя, комсомол, руководство завода.

Успех обеспечивается и высоким уровнем подготовки художественных руководителей — это люди из Русенского оперного театра, из Русенской филармонии, из государственного музыкального училища, люди, которые могут многому научить своих воспитанников.

Но главный секрет успеха — в упорной работе, в любви, в страстности, с которой «двойной» председатель относится к делу.

Александр АБАДЖИЕВ

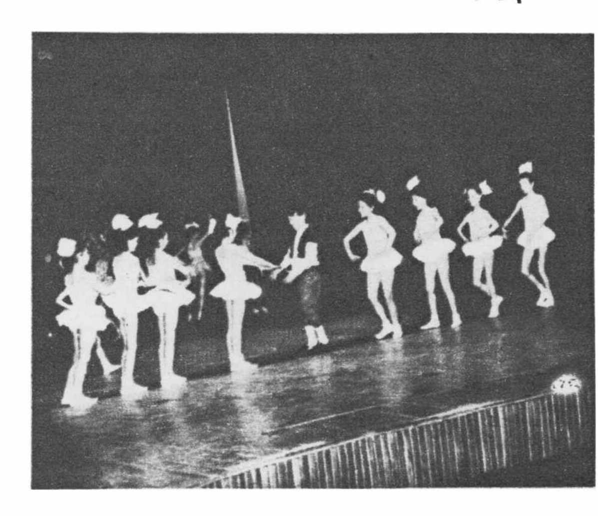

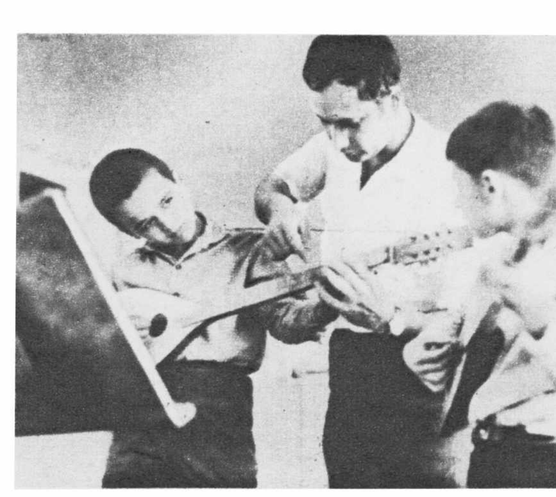
Ансамбль народных инструментов.

«Милости просим в нашу библиотеку».

На сцене и в классе.

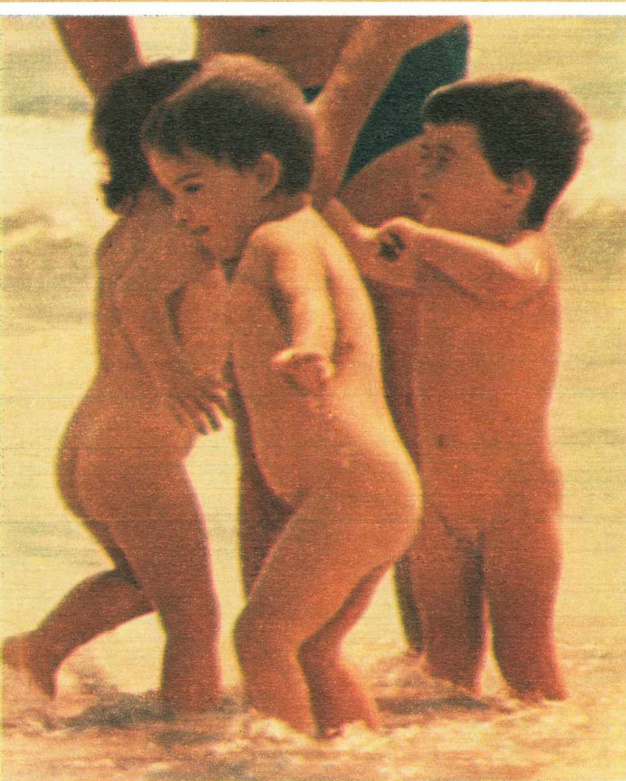

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

